

ВЫЖИВШИХ НЕТ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

СЛЕПОЙ

ГРУЗ 2000

Слепой

Андрей Воронин
Слепой. Груз 200

«ХАРВЕСТ»

2000

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Слепой. Груз 200 / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2000 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3665-5

Когда один за другим гибнут люди, чей долг – защита закона и порядка, вспоминают о нем... Когда насилие и предательство торжествуют победу, вспоминают о нем... Глеб Сиверов по прозвищу Слепой знает что делать. Большой опыт, феноменальная точность, хладнокровие одного человека против банды жестоких убийц в новом романе Андрея Воронина “Груз 200”.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3665-5

© Воронин А. Н., 2000
© ХАРВЕСТ, 2000

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Воронин

Слепой. Груз 200

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2015

Глава 1

Сырой мартовский ветер раскачивал голые ветви деревьев, словно пытаясь сбросить на раскисшую, все еще испятнанную не до конца сошедшим снегом землю неопрятные шары грачиных гнезд, намертво засевшие между мокрыми сучьями, как невиданные колючие плоды. Гнезда пустовали уже третий или четвертый год подряд: птицы почему-то покинули этот участок земли, не желая больше селиться в кронах высоких старых берез и тополей.

Снег, давно отступивший с городских улиц, все еще лежал здесь серыми ноздреватыми заплатами, прячась под корнями деревьев и у оснований памятников и оград. Асфальтированные дорожки в старой части кладбища блестели от талой воды, которая днем и ночью сочилась из пропитавшейся влагой, не до конца оттаявшей почвы и капала с нависающих ветвей. В районе новых захоронений ни асфальта, ни деревьев еще не было – только ряды могил, раскисшая глина, мертвая прошлогодняя трава, крашеный металл оградок, мокрые кресты, по-весеннему грязноватые гранитные и мраморные плиты, утопающие в венках и лентах деревянные пирамидки свежих захоронений и маячащие вдалеке корпуса новостроек, почти скрытые сырым мартовским туманом, больше похожим на бессильно опустившиеся на землю облака.

Если остановиться у крайнего ряда могил, еще пестрящего не успевшими полинять и прийти в негодность искусственными цветами и пластиковыми еловыми лапками, и посмотреть через обширный пустырь на белеющие вдали коробки новых домов, возникает странное ощущение, будто стоишь на границе двух миров – мира мертвых и мира живых, а перед тобой расстилается полоса ничейной земли, делающаяся с каждым днем все более узкой. С запада в эту бесплодную глинистую землю упорно вгрызаются могильщики, ряд за рядом копая одиночные окопы полного профиля и укладывая в них молчаливых и бесстрастных обитателей – ряд за рядом, год за годом, идеально ровными шеренгами, как на каком-то зловещем параде. С востока пустырь терзают строители, возводя железобетонные и кирпичные укрепления для растущей армии живых – чуть более просторные и комфортабельные, но гораздо менее долговечные. Там, за пустырем, днем и ночью кипит людская каша, строятся и рушатся какие-то планы, рычат двигатели, звонят телефоны, мерцают, переливаясь красками, экраны телевизоров и уходят в мясорубку очередной войны набитые оружием и солдатами поезда.

Отсюда, с окраины кладбища, в этот глухой ночной час вся дневная суета кажется мелкой и почти несуществующей. О ней напоминает лишь электрическое зарево на восточном краю пустыря, похожее на россыпь светлячков. Основная громада многомиллионного города скрывается позади, за черной непрозрачной массой деревьев старого кладбища. Здесь же тихо, темно и очень уединенно, особенно теперь, в третьем часу пополуночи.

На обочине раскисшей, с глубокими глинистыми колеями дороги, тянущейся вдоль восточного края кладбища, стоит большой пятидверный джип с потушенными фарами и габаритными огнями. В салоне темно и тихо, лишь бормочет приглушенным голосом включенное радио да равномерно вспыхивают тлеющие красноватые огоньки двух сигарет. Потом в тишине раздается дробное глухое постукивание: водитель, чьей деятельной натуре претило долгое пассивное ожидание, принялся нервно барабанить пальцами по ободу рулевого колеса. Сидящий рядом с ним подтянутый, спортивного вида, но рано облысевший мужчина лет тридцати пяти с неудовольствием покосился в его сторону, но промолчал, лишь огонек его сигареты, вспыхнув, тлел дольше и ярче обычного. Потом он погас, и лысоватого окутало густое облако дыма, который лениво потянулся в узкую щель над слегка опущенным боковым стеклом.

По радио закончили передавать очередную сводку новостей, и диск-жокей с ярко выраженными консервативными вкусами с грохотом вывалил в ночной эфир целый самосвал тяжелого металла. Хрипло взревели басы, барабаны и тарелки взорвались грохотом и лязгом, и обкурившийся, по уши накачанный наркотой вокалист принялся сипло реветь в микрофон.

Водитель радостно подпрыгнул и потянулся к регулятору громкости, чтобы насладиться мелодиями своей юности как полагается, на всю катушку, но пассажир опередил его, выключив магнитолу.

– Ты чего? – обиженно спросил водитель. – Классный же музон, не «Стрелки» какие-нибудь! В кои-то веки поймал что-то путное, и то послушать не дадут!

– Заткнись, – коротко ответил пассажир и поднял кверху указательный палец, прислушиваясь к чему-то, что пока что слышал он один.

Судя по тому, с какой готовностью водитель последовал его приказу, главным здесь был именно пассажир. Тяжелый рок мгновенно был забыт, и сидевший за рулем джипа вертлявый субъект с наголо остриженной остроконечной головой и длинным, заметно свернутым на сторону носом тоже принялся напряженно вслушиваться в тишину. Мгновение спустя в этой тишине послышался низкий ровный гул, который явно приближался.

– Блин, – сказал водитель еще через секунду, – да это же просто самолет. Вон он, сучара. Да не там, левее.

Пассажир поднял голову и взгляделся в участок темного, затянутого тучами беззвездного неба, на который указывал вытянутый палец водителя. Он рассмотрел плывущую во тьме щепотку мигающих цветных – красных, зеленых и желтых – огоньков и равнодушно кивнул. Самолет развернулся в высоте, ложась на курс, и россыпь огней превратилась в одну мерцающую рубиновую точку, которая через несколько секунд растворилась во тьме. Но звук не исчез, хотя тон его изменился, сделавшись более высоким и прерывистым. Вскоре стало совершенно очевидно, что этот звук издает медленно ползущий по скользкой ухабистой дороге автомобиль с дизельным двигателем.

– Самолет, самолет, – проворчал пассажир. – Едут наконец-то!

– Слава те, гос-с-с... – пробормотал водитель. – Свалить бы отсюда поскорей!

– Что так? – слегка насмешливо осведомился пассажир, глядя в ту сторону, где уже возникло прыгающее размытое пятно электрического света. Вскоре за поворотом дороги среди крестов и надгробий сверкнули фары, снова скрылись из виду, когда автомобиль нырнул в ложбину, и засияли опять, как два широко расставленных круглых глаза.

– Что так, что так, – передразнил водитель и задвигался, гася в пепельнице сигарету. – Я, конечно, жмуриков не боюсь, но как-то здесь... стремно, в общем. И запах.

– Какой запах? – удивился пассажир. – Ты базар-то фильтруй! Это какой должен быть шмон, чтоб ты его сквозь два с половиной метра глины унюхал!

– Все равно воняет, – упрямо ответил водитель.

– В башке у тебя воняет.

– Ну пускай в башке, так мне-то от этого не легче!

– Герой, – с ноткой удивления в голосе заметил пассажир. – Мигни им фарами, что они, козлы, иллюминацию здесь устраивают?! Еще бы телевидение пригласили.

– «Человек и закон», – подхватил водитель и щелкнул переключателем. Фары джипа взорвались короткой ослепительной вспышкой. Приближавшийся автомобиль в ответ тоже мигнул фарами и погрузился во тьму. Через секунду он остановился и замер поодаль.

Это был выдавший виды полугрузовой «Фольксваген-LT28» грязно-оранжевого цвета с тентованным кузовом. В царившей на кладбище кромешной тьме он выглядел просто бесформенной глыбой мрака, более плотного, чем окружающая его сырая темнота, но сидевшие в джипе люди знали, что это именно тот автомобиль, которого они дожидались: никому другому просто не пришло бы в голову заявиться сюда в столь неурочное время.

В темноте хлопнула дверца, по раскисшей глине зачавкали шаги нескольких человек, потом зашуршал откинутый брезент и раздался приглушенный лягз, какой издают, ударяясь друг о друга, лезвия штыковых лопат. Кто-то негромко выругался, помянув Господа Бога и дирекцию кладбища, которой почему-то не пришло в голову поставить здесь хотя бы парочку

фонарей. Критику кладбищенской администрации ответили в том смысле, что кладбище – не парк и не бульвар и что нормальные люди, как правило, не шляются в темноте между могил. Критик упрямо проворчал, что нормальных людей он видел в гробу. Учитывая ситуацию, это высказывание прозвучало как довольно удачная шутка, и слушатели отреагировали на нее приглушенным ржанием. Потом возле микроавтобуса, мигнув, загорелся карманный фонарь, осветив участок поросшей обесцвеченной прошлогодней травой почвы и чьи-то ноги в джинсах и грубых рабочих ботинках. Пассажир джипа подавил невольный вздох, вынул из бардачка предусмотрительно прихваченный с собой японский фонарь на шести батарейках и, распахнув дверцу, вышел из машины.

– Долго добирались, – заметил он вместо приветствия, подойдя к группе вооруженных лопатами и веревками людей. Голос его звучал недовольно и жестко.

– А мы-то при чем? – проворчал одетый в армейский бушлат доперестроечного образца здоровяк, чье округлое брюхо выдавало в нем большого любителя пива. Он стоял опираясь о черенок совковой лопаты, вызываясь вздернув жидкую рыжеватую бороду, украшавшую его жирный подбородок. – Я говорил: дайте нормальную машину, на хрена вам эта конспирация... Кого боимся, не пойму. Нет, блин, заставили ездить на этой консервной банке... Вот и заглохли посреди дороги. Два раза менты возле нас останавливались. Куда, гряд, собрались, ребята? На рыбалку, говорим... Хорошо, не догадались кузов осмотреть. Они бы охренели, если бы эти удочки увидели, – он кивнул на лопаты. – Так что претензии не по адресу.

– Ладно, – после короткой паузы сказал лысоватый пассажир джипа. – Ты закончил свою речь?

Толстяк неторопливо и обстоятельно высморкался в два пальца, вытер руку о торчавшие из кармана бушлата рабочие рукавицы и спокойно ответил:

– Пока что да.

– Тогда за работу. И шевелите задницами, если хотите управиться до света. У вас осталось не так уж много времени.

– У нас, – поправил его толстяк. – Или ты оформил перевод?

– Много треплешься, Костыль, – процедил сквозь зубы лысый.

– Ладно, ладно, – примирительно проворчал пузатый Костыль. – Показывай которая. Вот будет хохма, если мы не того жмура выкопаем!

Позади кто-то фыркнул в кулак. Лысый пассажир джипа скорчил кислую мину и скривил губы.

– Очень смешно, – сказал он. – Пошли!

Он двинулся вперед, светя под ноги своим мощным японским фонарем и время от времени переводя его луч на свежие могилы, чтобы сориентироваться. Они прошли метров двадцать и остановились перед недавно насыпанным продолговатым холмиком, старательно оглаженным лопатами и почти целиком скрывавшимся под аккуратно составленными шалашиком венками. Ленты на венках еще не успели поблекнуть. «Дорогому сыночку от безутешной мамы», – было выведено на ближайшей. На черной жестяной табличке, приколоченной к временной деревянной пирамидке, опытной рукой художника из похоронного бюро были выведены имя, фамилия и даты рождения и смерти. Если верить надписи, парню, лежавшему под этой пирамидкой, было ровно двадцать лет. «Погиб в Чечне», – гласила выведенная чуть ниже дат строчка.

– Садриев Ильдар Ильясович, – вслух прочел Костыль. – Чурка, что ли?

– Татарин, – поправил кто-то.

– Эх, Расея-матушка! – со вздохом сказал Костыль и вогнал лопату в рыхлый холмик. – Не держава, в натуре, а какой-то упырь. Ты глянь: сам татарин, воевал за Россию, копыта откинул в Чечне, а закопали в Москве.

– Думай, что говоришь, – сказал один из его коллег, деловито и аккуратно отставляя в сторонку венки. – Кого это в Москве закопали? Да боже сохрани!

– Да, – согласился Костыль, – это я загнул. И впрямь, не приведи господи... Ну, орлы, навались!

Рыхлый, еще не успевший просесть и слежаться суглинок легко подавался под лезвиями лопат. Работая со сноровкой бывалых землекопов, приехавшие в старом «ЛТ» люди за каких-нибудь сорок минут вскрыли свежую могилу. Вскоре лопаты заскребли по оцинкованной крышке гроба.

– Главное, чтобы ошибки не вышло, – сказал неугомонный Костыль, умело подводя сброшенные в могилу брезентовые шлеи под оба конца цинкового ящика. – На хрена нам эти консервы?

Никто не засмеялся: нарисованная Костылем перспектива вряд ли могла показаться привлекательной даже завязтому некрофилу. Те, кого хоронят в закрытых цинковых гробах, как правило, выглядят далеко не лучшим образом, а уж запах...

Общими усилиями из ямы выудили сначала тяжеленного Костыля, а потом, покряхтывая от натуги и сдавленно матерясь, и длинный цинковый ящик, который еще не успел окислиться и свежо поблескивал в лучах двух карманных фонарей гладкими металлическими боками. Гроб почти бегом отнесли к машине и погрузили в кузов, забросав ветошью, а могилу тщательно засыпали, вернув на место венки и старательно уничтожив все следы своего пребывания.

...Когда машина тронулась, сидевший ближе всех к цинковому ящику белобрысый парень лет двадцати пяти, одетый в испачканный землей брезентовый дождевик и резиновые сапоги, торопливо закурив, сказал:

– Слышишь, Костыль? По-моему, это дерьмо все-таки воняет.

Костыль добродушно хохотнул и тоже закурил, со щелчком откинув крышечку никелированной «зиппо».

– Дурак ты, Окунь, – ответил он. – Деньги не пахнут. Это, между прочим, еще древние римляне придумали. Башковитые были ребята.

– Так то деньги, – проворчал Окунь, но спорить не стал: скорее всего исходивший от гроба едва уловимый трупный запах ему просто почудился.

Позади, светя фарами и держась на приличной дистанции, ехал джип. Под ногами погромахивали сваленные кучей лопаты, сквозь прорехи в брезенте тянуло сырым, холодным сквозняком. Толстопузый Костыль с натугой наклонился вперед, пошарил под скамьей и выудил оттуда какой-то завернутый в тряпку продолговатый предмет. Размотав ветошь, он любовно провел по стволу автомата рукавом телогрейки, снова пошарил под сиденьем и со щелчком вставил на место снаряженный магазин.

– Ты чего, Костыль? – насторожился Окунь.

– Береженого Бог бережет, – ответил Костыль и пристроил автомат между колен.

Окунь неодобрительно пожал плечами, но, подумав несколько секунд, не удержался и засунул правую руку в карман дождевика, положив ладонь на рукоять пистолета. Ему подумалось, что Костыль прав: никто не знает, что может стукнуть в голову ментам, да и ФСБ в последнее время что-то зашевелилась... Кроме того, толстяк мог знать больше всех остальных. Принимая во внимание то, чем они занимались, Окунь не удивился бы, узнав, что Костылю поручили ликвидировать всю группу во избежание утечки информации. По законам военного времени, так сказать...

Окуню было неудобно и стало еще неудобнее, когда «фольксваген» вдруг резко тормознул, клюнув носом, свернул к обочине и остановился. Костыль, который, казалось, дремал, держась обеими руками за ствол автомата, вскинул голову и прикинул лицом к окошечку, прорезанному в задней стенке кабины. Сидевшие в кузове вооруженные землекопы услышали лязг дверцы и

голоса. Окунь непроизвольно вынул из кармана руку с зажатым в ней «Макаровым». Большой палец сам нашупал кнопку предохранителя. Костыль предостерегающе поднял руку, одновременно прикрыв ствол автомата полый бушлат.

– Менты, – почти неслышно прошептал он. – Документы проверяют, суки. Сидеть тихо!

Белобрысый Окунь почувствовал, что его начинает охватывать паника. Что значит – сидеть тихо? Откуда взялись менты? Ведь лысый говорил, что все нормально, всем заплачено и дорога свободна... Неужели что-то сорвалось и пошло наперекосяк? Неужели рейд или, того хуже, кто-то дал ментам наводку?

– Вот дерьмо, – плачущим голосом прошептал он, – вот дерьмо-то! Влетели!

Костыль бросил на него оставшийся в темноте незамеченным яростный взгляд, но ничего не сказал, потому что звучавшие у кабины голоса двинулись вдоль кузова, неумолимо приближаясь к заднему борту, – ноющий голос водителя и властный, лениво-раздраженный голос гаишника... точнее, гибэдэдэшника, черт бы его побрал. Придумали название – язык сломать можно!

Брезент с шорохом откинулся, открыв треугольное отверстие и впуская в кузов оранжевые сполохи работающего в ночном режиме светофора. В проеме возникло освещенное этими вспышками недовольное лицо под форменной фуражкой.

– Ну, командир, – послышалось нытье водителя, – ну, может, разойдемся по-хорошему? Ну, подумаешь, чуток скорость превысил... Ночь же, нету никого!

«Козел», – подумал Костыль и состроил приветливую мину, готовясь выдать очередную байку о том, как они с ребятами собрались на рыбалку, но тут рядом с ним тонко, по-бабьи, взвизгнул обезумевший от страха Окунь. Костыль рванулся к нему, но было уже поздно: рука Окуня взметнулась вверх и вперед, «Макаров» громыхнул четыре раза подряд, и инспектор ГИБДД с превратившимся в кровавую маску лицом упал на мокрый асфальт.

Яростно матерясь, Костыль рванул из-под себя автомат, уже понимая, что все пропало: мало того, что Окунь выдал их с головой, так еще и идиот водитель топтался у заднего борта как раз тогда, когда нужно было гнать во весь дух подальше отсюда...

Снаружи раздался испуганный вопль, а потом там загрохотал милицейский автомат. Длинная очередь прошла брезент, как швейная машинка, в которую забыли вставить нитку, и Костыль, издав невнятный стон, тяжело повалился прямо на гроб. Следующая очередь ударила по колесам, и старый «фольксваген», вздрогнув, как живое существо, устало осел на левый борт.

* * *

Утро выдалось не совсем удачным, но Лиза Малышева без труда могла бы припомнить деньки, когда дела шли не в пример хуже. С шести утра она продала всего четыре букета, несчастную дюжину тепличных гвоздик, зато успела основательно продрогнуть. Мерзнуть ей было не привыкать, но после зимних морозов мартовская промозглая сырость как-то по-особенному пробирала до самых костей, и, глядя на свой товар, Лиза невольно удивлялась тому, как это лепестки гвоздик до сих пор не сделались из красных лиловыми, а стебли не покрылись гусиной кожей от холода. Правда, внутри плексигласового прозрачного ящика, где стояли цветы, горели две свечи, спасая нежные тепличные растения от непосредственного воздействия московского климата. Хозяин, носатый шестипудовый армянин с удивительно неподходящим к его внешнему облику несолидным именем Рафик, бдительно следил за тем, чтобы емкость с цветами обогревалась надлежащим образом, а также за тем, чтобы работающие на него девушки не вздумали подогреться наиболее доступным в полевых условиях способом. Лиза Малышева вовсе не была алкоголичкой, но она успела основательно продрогнуть, и, кроме того, категорический запрет пить на рабочем месте, как всегда, вызывал в ее душе

стихийный протест, заставляя все чаще коситься в сторону коммерческой палатки, где бойко торговали сигаретами и спиртным. Останавливала ее только вполне реальная угроза потерять работу.

Цветочный базар в двух шагах от станции метро в это утро был далеко не самым оживленным местом в городе. Люди торопливо пробежали мимо, и лица у них были по-утреннему серыми, пустыми и озабоченными. Заглядывая в эти лица и с профессиональной ловкостью ловя обращенные вовнутрь взгляды, Лиза с невольной грустью думала о том, как оживили бы эти серые силуэты яркие пятна букетов. Человек, несущий в руках цветы, не может иметь такие пустые и непроницаемые, как оловянные шарики, глаза. Даже если он идет на похороны совершенно чужого и неинтересного ему человека, букет в руках заставит его полнее ощутить то, что сам он еще жив. Конечно, для Лизы Малышевой цветы в первую очередь были товаром, за который она отвечала перед хозяином и который более или менее кормил ее в эти нелегкие времена, но это был хороший, очень нужный людям товар. Вот только люди этого почему-то упорно не понимали.

Лиза вздохнула и, вынув из карманов мешковатого зеленого пуховика руки в вязаных перчатках с обрезанными пальцами, закурила сигарету, автоматически отметив про себя, что это уже пятая за утро. Горьковатый дым создавал иллюзию тепла. Часто шмыгая покрасневшим от холода курносый носиком и поминутно поправляя указательным пальцем сползающие очки в немного старомодной круглой оправе на пол-лица, Лиза принялась прохаживаться перед своим плексигласовым ящичком, заглядывая прохожим в глаза, призывно улыбаясь и притопывая обутыми в валенки с галошами ногами. Обувь на ней, конечно, была не по сезону, и, добираясь в метро до рабочего места, она частенько ловила насмешливые взгляды, но посмотрела бы она на этих насмешников, а особенно на насмешниц, если бы им довелось, как ей, целый день проторчать в сырости и холоде, не имея права даже опрокинуть стаканчик!

Принесенный из дома пол-литровый термос с кофе уже давно опустел, а разносчика Игорька что-то не было видно. Жидкая, чересчур сладкая бурда, которую продавал Игорек, конечно же не имела права именоваться кофе, зато, к чести Игорька, всегда была обжигающе горячей. Лиза представила себе, как возьмет в ладони пригревающий даже сквозь перчатки пластиковый стаканчик, и невольно привстала на цыпочки, высматривая в толпе красно-синюю куртку Игорька.

Вместо разносчика она вдруг увидела мужчину, который при других обстоятельствах мог бы показаться ей самым завидным кавалером из всех, кого она когда-либо встречала, а в данный момент был не более чем потенциальным покупателем. Покупателем, да, но каким!

Мужчина, привлечший внимание Лизы, был высок и широкоплеч. Над не слишком красивым, но твердым, по-мужски привлекательным лицом топорщился жесткий ежик темных с проседью волос, глаза скрывались за сильнозатемненными стеклами очков. Легкое черное пальто было распахнуто, давая возможность оценить безукоризненный покрой такого же черного костюма, ослепительную белизну рубашки и идеальный узел неброского, но тоже явно очень дорогого галстука. Концы небрежно брошенного на шею шарфа свободно болтались между лацканами пальто, а сверкающие черные туфли наверняка не предназначались для того, чтобы месить московскую грязь. На руках у мужчины были тонкие кожаные перчатки, в пальцах правой дымилась сигарета, которую он время от времени подносил к губам, обводя пеструю толчею цветочного базара бесстрастным взглядом темных линз. Это был покупатель, притом того сорта, который очень нравился Лизе: одетые подобным образом мужчины, да еще с такими спокойными, уверенными повадками, как правило, считают ниже своего достоинства торговаться и редко требуют сдачу, хороню понимая, что те, кто преуспел в этой жизни, обязаны делиться с теми, кому не повезло, хотя бы крохами своей удачи. Лиза неплохо умела обращаться с такими клиентами, да и вообще, среди своих коллег она считалась везучей. На самом деле везением здесь и не пахло: все дело было в том, чтобы найти к человеку подход.

Заезженные отцы семейств расправляли плечи, когда им улыбалась Лиза Малышева, потому что ее улыбка заставляла их снова почувствовать себя молодыми и способными вызывать интерес у женщин; мордатые обладатели джипов, золотых цепей и закутанных в меха манекенщиц называли ее сестренкой и снисходительно распахивали свои пухлые бумажники навстречу ее полушутливой умильной гримаске; отъездившие депутаты видели в ней представителя народа, тем более приятного и, как они привыкли выражаться, «легетивного», что при одном взгляде на Лизу становилось ясно: она не способна не только умышленно обидеть человека, но даже и ненароком нагрубить. Что же касалось женщин, то они не видели в низкорослой, мешковато одетой и не блещущей красотой цветочнице конкурента, так что и тут все было в порядке.

Лиза повнимательнее взгляделась в потенциального покупателя и слегка нахмурилась. За то время, что она занималась торговлей цветами, у нее сложилась четкая система классификации прохожих. В зависимости от того, к какому классу, подклассу или группе относился возможный клиент, Лиза выстраивала свою наступательную стратегию. Мужчина в темных очках явно принадлежал к классу покупателей, подклассу имущих, но вот дальше получалась какая-то ерунда: было совершенно невозможно понять, щедр он или скуп, зол или весел, и вообще, собрался он на похороны или, наоборот, на свадьбу. Лицо его сохраняло полную неподвижность, и только тонкие лучики морщинок, протянувшиеся к вискам из-под темных блестящих линз, говорили о том, что покупатель щурится, то ли присматривая букет покрасивее, то ли просто потому, что серенький свет ненастного мартовского дня был для него слишком ярок даже сквозь притененные стекла очков.

Лиза даже слегка растерялась: она привыкла видеть мужчин насквозь, словно они были сделаны из оконного стекла, а этот казался ей совершенно непрозрачным. Он напоминал персонаж какого-то западного фильма... может быть, даже поставленного Квентином Тарантино, картины которого очень любила мать Лизы Малышевой. Эта прикованная к постели множественством действительных и мнимых недугов почтенная дама семидесяти лет от роду находила какое-то противоестественное удовольствие в черных гангстерских боевиках Тарантино: они подтверждали ее уверенность в том, что капитализм – дерьмо собачье, а Америка – просто каменные джунгли, где потерявшие человеческий облик стяжатели рвут друг друга на куски. Вспомнив о ней, Лиза тихонько вздохнула, но тут же подобралась и выбросила из головы все лишнее, поскольку Марианна Игоревна, стопятикилограммовая кокетка из Химок, решительно шагнула наперерез мужчине в темных очках, держа перед собой букет роз в хрустящем целлофане, как боевое знамя. Марианна Игоревна была главным конкурентом Лизы: многие покупатели отдавали ей свои деньги в обмен на цветы только для того, чтобы она побыстрее от них отстала.

Мужчина в темных очках сделал какое-то неуловимое движение сначала левым плечом, а затем и всем корпусом, и огромная цветочница, только что стоявшая у него на пути, как Великая Китайская стена, вдруг оказалась за его спиной, протягивая в пустоту свой букет. Лиза поперхнулась сигаретным дымом: это был фокус похлеще тех, что показывал Дэвид Копперфилд. Полеты по воздуху, исчезновения и хождение сквозь стены наверняка были плевым делом для того, кто смог так легко и словно бы даже не заметив препятствия обойти Марианну Игоревну. Лиза отклеила окурок от нижней губы и, улучив момент, когда темные дымчатые линзы на мгновение повернулись к ней, осторожно улыбнулась, сделав жест рукой в сторону прозрачного плексигласового ящика, где стояли укрытые от холода гвоздики. Ее растерянность росла: впервые в жизни Лиза чувствовала, что клиент ей не по зубам.

Тем не менее ее древнее оружие сработало. Мужчина слегка сбавил ход и заколебался, разглядывая гвоздики сквозь немного мутноватый плексиглас. Его твердо очерченные губы шевельнулись, голова повернулась к Лизе.

– Вы не находите, что этот ящик сильно напоминает гроб? – спросил он. – Наподобие того, что стоит в мавзолее.

Лиза, растерявшись еще больше, автоматически поднесла к губам сигарету и сделала жадную затяжку, не почувствовав ничего, словно вдохнула не табачный дым, а теплый воздух.

– Холодно, – невпопад ответила она. – А свечка греет. Возьмете букетик?

– Возьму, пожалуй, – сказал мужчина, и Лиза краем глаза заметила, как разочарованно попятилась возобновившая было атаку Марианна Игоревна. – Люблю гвоздики. Они... как же это сказать?.. стойкие, вот. Как солдаты.

– Да, – сказала Лиза, которая почти ничего не поняла, кроме того, что покупателю нравится ее товар, – гвоздики стоят долго. И вида не теряют. А если опустить в воду таблеточку аспирина... Ой, извините, я болтаю, а вы, наверное, спешите! Вам сколько гвоздичек?

Покупатель пожал плечами.

– Даже не знаю... Может быть, вы, как специалист, посоветуете?

– С удовольствием, – сказала Лиза, – но тогда мне придется спросить, для кого цветы.

– Для жены начальника, – после коротенькой заминки ответил мужчина. – У нее день рождения, и вот...

– Уф, – с облегчением выдохнула Лиза. – А мне показалось...

– Что?

– Да нет, чепуха. Я же говорю, показалось. – Она снова жадно затянулась сигаретой. – Она старая?

– В том-то и дело, что молодая. Молодая, красивая и очень любит строить глазки подчиненным своего мужа. Так что мне бы не хотелось, с одной стороны, выглядеть невежей, а с другой... ну, вы сами понимаете.

Лиза рассмеялась. Ее растерянность исчезла, и ей на смену пришло удивление: что могло до такой степени насторожить ее в этом милейшем дядьке? Непроницаемое выражение лица? Ну так в этом его вполне можно понять: идет человек на день рождения к гулящей жене ревнивого начальника, да еще и рыльце у него, очень может быть, основательно в пушку. Вот он и тренируется по дороге... Прямо по Пушкину: учитесь властвовать собою. Не зря же он в такую погоду темные очки нацепил!

– Пять, – сказала она, закончив смеяться. – Или семь. В зависимости от бюджета, сами понимаете. Три – маловато, а пять или семь – в самый раз. Но не больше, иначе ваш начальник весь вечер будет ходить за вами по пятам, а завтра даст вам расчет.

– Согласен, – тоже улыбаясь, сказал покупатель. – Пять... а лучше семь. Да, семь. Там, знаете ли, очень приличный дом.

Лиза открыла прозрачный ящик и жестом предложила ему выбрать цветы. Он так же молча отказался, предоставив ей право выбора. Она собрала и упаковала букет, назвав обычную цену: у нее почему-то не возникло желания содрать с богатого клиента побольше. Потом она еще долго стояла, зажав в кулаке деньги и глядя ему вслед, пока его черное пальто окончательно не затерялось в толпе. Тогда она тряхнула головой и стала высматривать очередного покупателя, стараясь избавиться от завладевшей ею странной фантазии. Перед ее мысленным взором раз за разом вставала одна и та же картина: она словно наяву видела, как мужчина в дымчатых очках останавливается за углом и выбрасывает одну из семи только что купленных гвоздик в первую попавшуюся мусорную урну, после чего закуривает новую сигарету и не спеша идет дальше, с бессознательной легкостью лавируя в густом потоке прохожих. Это было какое-то наваждение, и Лиза избавилась от него только после того, как на цветочном базаре объявился наконец разносчик Игорек и налил ей пластиковый стаканчик жидкого и чересчур сладкого, но зато очень горячего растворимого кофе.

Глава 2

Глеб Сиверов с виртуозной точностью, давно ставшей одной из неконтролируемых функций организма, наподобие сердцебиения, загнал машину на место только что выехавшего со стоянки «ровера» и заглушил двигатель. Заслуженно пользующийся дурной славой старый дом, который он решил навестить сегодня, находился сейчас у него за спиной, и в зеркало заднего вида Глеб мог разглядеть только часть парадного подъезда. Сегодня здесь было оживленно: тяжелая, обитая по низу надраенной медью дверь то и дело открывалась, впуская в здание людей. На многих была форма, но еще больше было тех, кто предпочел явиться в штатском. Кое-кого Глеб знал в лицо, а кое с кем, несомненно, должен был со временем познакомиться.

Хмурясь, он закурил сигарету и откинулся на спинку сиденья. Не прийти сюда было нельзя, но от этого ситуация не становилась ни более приятной, ни менее опасной. Глеб не был новичком в конспирации и привык рисковать, но в доме, который тяжело громоздился у него за спиной, в эту игру умели играть все – кто лучше, кто хуже, но все без исключения. Это было странное место, где в один чудовищно запутанный клубок сплелись высокий профессионализм и паранойя, острый ум и непроходимая казенная глупость, мужество и подлость, высокие цели и отвратительные до тошноты способы их достижения, могущество и бессилие, добро и зло. Входить в эту дверь было опаснее, чем ковыряться пальцем в осином гнезде или разбирать противотанковую мину с помощью молотка и зубила, особенно вот так, в открытую, среди бела дня и при большом стечении народа.

Цветы лежали на соседнем сиденье. Глеб рассеянно развернул целлофан, вынул из букета одну гвоздику и, повертев ее перед собой, бросил на заднее сиденье, продолжая дымить зажатой в зубах сигаретой. Малахов настаивал на том, чтобы он приехал, и не на кладбище, а именно сюда, на Лубянку, и именно сегодня, именно в этот час... Зачем ему это понадобилось? Глеб чувствовал, что все это неспроста, и курил так, словно намеревался запастись никотином впрок: работа могла начаться буквально через несколько минут, а во время работы сигареты для агента по кличке Слепой были табу.

Позади него коротко взвыла и сразу умолкла милицейская сирена, заставив Слепого едва заметно вздрогнуть. В зеркале мелькнули красно-синие сполохи. Глеб обернулся и увидел отъезжавший от парадного подъезда старого здания кортеж: два длинных черных лимузина в сопровождении нескольких милицейских машин. Он слегка поморщился. Ситуация была двусмысленной: исполняющий обязанности главы государства мог явиться сюда, движимый вполне понятными и в высшей степени благородными чувствами, но в преддверии выборов такой жест все равно сильно отдавал популизмом. Это было ясно всем, в том числе и исполняющему обязанности, который, насколько знал Глеб, был очень неглупым человеком, и Слепой лишний раз порадовался тому, что его самого миновала чаша сия. Он улыбнулся, гася в пепельнице окурок: сложись его жизнь немного по-другому, на месте человека, укатившего сейчас с Лубянки в одном из трех сверкающих лимузинов, когда-нибудь мог бы оказаться он. Во всяком случае, в самом начале пути предпосылок к этому у него было ничуть не меньше.

Это была довольно любопытная, но уже успевшая набить оскомину тема для размышлений: как получается, что один становится президентом, другой – бомжем, а третий – платным киллером, делающим для спецслужб грязную работу? Чем руководствуется судьба, когда прокладывает для людей маршруты и обозначает места конечных остановок? Или мы просто беспорядочно суеتمدимся, как одноклеточные в капле стоячей воды из придорожной канавы?

Глеб вышел из машины и направился через площадь к подъезду. С каждым шагом здание, казалось, вырастало ввысь и вширь, нависая над ним своей закопченной громадиной, сверля холодными оценивающими взглядами бесчисленных окон и время от времени клацая беззубыми челюстями дверей, словно ему не терпелось поскорее слотнуть долгожданную добычу.

Каждый, кто так или иначе был связан с этим зданием, рисковал рано или поздно быть проглоченным. Конечно, времена теперь были не те, что раньше, но есть вещи, которые меняются очень медленно и неохотно, и здание, к подъезду которого направлялся Глеб Сиверов, относилось к разряду именно таких вещей.

Тяжелая дверь сдержанно гроыхнула, захлопнувшись за его спиной. Старший лейтенант с траурной красно-черной повязкой на рукаве внимательно изучил предъявленное Глебом удостоверение капитана ФСБ Федора Суворова, едва заметно поморщившись: видимо, темные очки мешали ему сличить фото на удостоверении с оригиналом. Глеб снял очки, давая ему возможность оценить свое сходство с фотографией, и рассеянно кивнул, когда старший лейтенант отдал ему честь. Почему бы и нет? Сегодня работа этого парня заключалась в том, чтобы проверять документы и отдавать честь. Очень может быть, что через неделю он сменит свой мундирчик на полевую форму, а через две займет почетное место на обтянутом красным плюшем постаменте, в окружении знамен, венков и скорбящих родственников и сослуживцев... «Да нет, – подумал Глеб, разглядывая холеное лицо с уже наметившимся вторым подбородком и пухловатую белую руку с короткими пальцами, которая протягивала ему его удостоверение, – вряд ли. Этот – вряд ли. В его маршруте Чечня не значится.»

Водружая на переносицу очки и пряча удостоверение в карман, он украдкой огляделся. Малахова, который совсем недавно получил чин генерал-майора, нигде не было видно. Глеб испытал острейшее желание развернуться на сто восемьдесят градусов и уйти, пока не стало слишком поздно. Где-то в недрах этого большого старого здания могло быть принято решение, что агент по кличке Слепой слишком много знает, и не существовало лучшего места для того, чтобы тихо и без помех взять человека, которому пришло время исчезнуть. Доверительные, почти приятельские отношения с Малаховым в данном случае стоили очень мало: новоиспеченный генерал был человеком долга, а простые и ясные понятия долга и чести в этом странном месте жутковатым образом искажались, порой до полной неузнаваемости.

Глеб оглянулся на дверь, и ему показалось, что до нее не меньше километра. Пухлощекий старший лейтенант смотрел на него с любопытством, словно спрашивая, чего он тут дожидается. Спohватившись, Глеб демонстративно посмотрел на часы, недовольно хмыкнул, как будто кто-то, с кем он договорился о встрече, беспардонно опаздывал, и двинулся вперед, больше не глядя на дежурного.

В зале, где стояли гробы, былолюдно, очень светло и невыносимо жарко из-за торчавших повсюду юпитеров на гроыхающих штативах. Телевизионщики ползали вокруг с камерами на плечах, волоча за собой кабели, с одинаково постным выражением на лицах. Посмотрев на них, Глеб не шевельнул и бровью, но немедленно принялся незаметно маневрировать таким образом, чтобы все время держаться вне поля зрения камер. Это отвлекало от главного и вызывало глухое раздражение, тем более что один из людей, лежавших сейчас на постаменте в окружении Почетного караула, был ему хороню знаком. В незапамятные времена они вместе были курсантами и даже начинали служить в одной части. Разумеется, доведись им встретиться теперь, этот человек не узнал бы своего однокашника.

На какое-то время Глеб забыл и о том, что балансирует на лезвии ножа, и о странных полунамеках Малахова, который заманил его сюда. Те трое, что лежали здесь, заслуживали того, чтобы им отдали последние почести. Глядя на гробы, Глеб не испытывал сильных чувств, и виновата в этом была не привычка. Эти люди были офицерами, и смерть при исполнении служебного долга являлась для них такой же обыденной, всегда находящейся на расстоянии вытянутой руки вещью, как учебные стрельбы или хождение в наряд. В какой-то мере такой конец карьеры был более почетным, чем маршальские звезды на погонах или просто теплый кабинет где-нибудь в управлении. Смерть была частью их работы, она всегда кралась за ними по пятам, и, глядя на застывшие, бледные неживой восковой бледностью лица, Глеб Сиверов не стискивал зубы и не давал напыщенных клятв. Его никто не посвящал в подробности, и он

понятия не имел, при каких обстоятельствах погибли эти трое, но на заднем плане сознания снова, в который уже раз за сегодняшнее утро, возникла мысль о том, что Малахов позвал его сюда неспроста. Он положил свой букет к остальным цветам и отступил в тень колонн, безотчетно шевеля пальцами, разминая суставы, словно его ждала работа. Ему подумалось, что это может оказаться правдой: там, в диких горах, полных вооруженных бородатых людей, было навалом работы для специалиста его профиля.

Он снова посмотрел на гробы. По крайней мере, один из этих людей был как раз специалистом его профиля, почти коллегой: по телевидению объявили, что он снайпер.

Он не вздрогнул, когда чья-то рука легла на его рукав чуть выше локтя, но все тело мгновенно пришло в состояние полной боевой готовности, как пистолет, у которого взвели курок.

– Капитан Суворов? – спросил чей-то голос. Тон вопроса был профессионально корректным, как и подобает в подобных случаях, когда вокруг слишком много не посвященной в подробности происходящего публики. Глеб тысячу раз слышал подобный тон и быстро оглядел зал из-под очков. Отсюда можно было попытаться убежать.

Попытаться – это да, но вот убежать...

– Да, – так же негромко и корректно ответил он, оборачиваясь.

Перед ним стоял высокий и гибкий, как клинок из хорошей стали, молодой человек в черном траурном костюме. Стрижка у него была короткая, челюсть квадратная, а глаза, без всякого выражения смотревшие на Глеба, блекло-голубые, тоже наводящие на мысли о стали и холодной воде, в которой, тихо позвякивая, плавают льдинки. Руки у молодого человека были большие, белые, с гибкими и наверняка очень сильными пальцами. Он был один, а это значило, что Глеба Сиверова здесь либо явно недооценивали, либо просто не собирались арестовывать.

«Да и какой смысл меня арестовывать? – подумал Слепой. – Что я дергаюсь? О каком аресте может идти речь? Арест – это тюрьма, следствие, суд... Подумать страшно, чего такой подсудимый, как я, мог бы наговорить во время процесса... Нет, если меня решат убрать, то сделано это будет тихо и без официоза – шлеп, и нету. Тогда что ему надо? Неужели это Малахов решил поиграть в конспирацию? Черт бы его, в таком случае, побрал!»

– Пройдемте, – сказал молодой человек.

Глеб не стал задавать вопросов, которые все равно наверняка остались бы без ответа, и молча двинулся за молодым человеком, по пути пытаясь угадать, в каком тот чине. Лицо и фигура у него были лейтенантскими, челюсть и общее выражение лица могли бы принадлежать капитану, а вот глаза тянули на доброго подполковника.

В тупике коридора их встретили еще двое в штатском. Лица у этих двоих не выражали вообще ничего, словно они сбежали с собственных похорон, а фигурам мог бы позавидовать крупный половозрелый самец гориллы. Это уже были явные бодигарды, и Глеб с легким сердцем поднял руки, давая себя обыскать. Ситуация была странной, но не более того: когда убивают агента его уровня и класса, это делается быстро и без формальностей, чтобы не дать жертве ни малейшего шанса уйти или хотя бы поднять шум. И желательно на расстоянии – например, из снайперской винтовки.

Тяжелая дверь бесшумно распахнулась, и сопровождающий Глеба, жестом попросив его подождать, без доклада шагнул в кабинет. Глеб остался неподвижно стоять перед дверью, глядя на ее полированную поверхность и не делая попыток пообщаться с телохранителями: ребята были на работе, а в подобной обстановке у представителей их профессии начисто отсутствует общительность, не говоря уже о чувстве юмора. Они стояли по обе стороны двери, как гранитные утесы, заставляя Глеба чувствовать себя чем-то наподобие тонкого слоя сливочного масла между двумя мощными ломтями хлеба. От нечего делать он мысленно отрететировал нападение на эту парочку с целью завладения оружием и пришел к выводу, что шансы у него пятьдесят на пятьдесят. Гадать о том, что ожидало его за дверью, не имело смысла: все и так должно было вот-вот проясниться.

Он возобновил мысленную атаку на телохранителей, на сей раз изменив тактику, чтобы максимально увеличить свои шансы на успех, но тут дверь распахнулась, и в проеме показалось плечо молодого человека в черном костюме.

– Да, майор, – послышалось из глубины кабинета, – пока можете быть свободны. Но далеко не уходите, вы мне скоро понадобятся.

«Ну вот, – подумал Глеб, – майор. Не лейтенант, не капитан и не подполковник – майор. Неплохая карьера для мальчишки.»

Молодой майор с лицом лейтенанта и глазами подполковника молча указал ему на открытую дверь. В помещении царил полумрак, казавшийся еще гуще по сравнению с сиянием освещавших коридор ламп дневного света, и в голову Глебу моментально полезла читаная-перечитаная еще в детстве приключенческая чепуха: потайные переходы, шелковые полумаски, длинные шпаги, рука Анны Австрийской, протянутая для поцелуя из-за лиловой портьеры...

Жалюзи на широком окне были опущены, и сидевший за письменным столом спиной к окну человек выглядел на их фоне просто черным силуэтом, немного похожим на грудную мишень в тире. Глеб сдержал улыбку и снял очки. Дверь за ним бесшумно захлопнулась. Глаза Слепого немного привыкли к темноте, и теперь он без труда различал лицо своего собеседника – то самое лицо, которое не так давно вдруг, практически в один день, без всякого предупреждения узнал весь мир.

Человек за столом заговорил, и на какую-то долю секунды Глеб пожалел, что его нападение на охранников в коридоре было только мысленным: слишком много усилий в его жизни было потрачено на то, чтобы сделать подобное происшествие невозможным.

– Здравствуйте, Глеб Петрович, – сказал человек, который в данный момент являлся первым лицом в государстве и, по расчетам Глеба, должен был уже находиться в двух шагах от Боровицких ворот. – Проходите, располагайтесь. Есть разговор.

* * *

Глеб глубоко затянулся сигаретой, извлек из приемной щели последнюю дискету и нажатием клавиши подтвердил команду на уничтожение отмеченных файлов. Компьютер с негромким гудением принялся стирать информацию, одно за другим превращая в хаотичные всплески электронов бесценные досье, схемы районов и отдельных зданий, детально разработанные планы операций, черновики отчетов и донесений. Слепой усмехнулся, наблюдая за тем, как мелькают на экране монитора имена уничтожаемых файлов: винчестер давно уже следовало почистить, а он никак не мог заставить себя заняться этим нехитрым делом. Зато теперь это пришлось делать в пожарном порядке, и решения по поводу того, скопировать очередной файл на дискету или просто стереть, приходили сами собой, без долгих колебаний и раздумий, – как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Компьютер дважды дружелюбно прогудел, сигнализируя об окончании работы. Сиверов выключил его и сгреб валявшиеся на столе дискеты в заранее подготовленную картонную коробку. Закрыв коробку, он крест-накрест перехватил ее скотчем и затолкал в висевший на спинке стула полиэтиленовый пакет с ручками. «Вот будет анекдот, – подумал он, – если по дороге в банк меня тукнут сзади по затылку и отберут пакет. Грабитель нынче пошел грамотный, так что, даже не имея компьютера, догадается по дешевке спихнуть дискеты тому, у кого компьютер есть. А тот, у кого компьютер есть, завладев дискетами, сразу поймет, что напал на золотую жилу. Только вот жить этому золотоискателю, увы, придется недолго. Как только попробует торговать информацией, его тут же вычислят и возьмут к ногтю. Так что, Глеб Петрович, по дороге в банк лучше быть осторожным. Во избежание ненужных жертв.»

Он наугад взял с полки компакт-диск и включил музыку. Это оказался Гендель. Слепой поморщился: сейчас у него было не то настроение. Дребезжа пластиковыми коробками, он

отыскал на полке Вивальди и, когда мощные звуки заполнили каждый кубический миллиметр квартиры, проникая вовнутрь тела физически ощутимыми вибрациями, с неслышным за водопадом скрипок грохотом выволок из тайника железный ящик с оружием.

Старая спортивная сумка с раздернутой до упора «молнией» стояла наготове возле стола, напоминая губастый беззубый рот какой-то прожорливой рыбины. Глеб откинул крышку оружейного ящика и застыл в нерешительности, как выезжающий в труднодоступную местность для оказания срочной медицинской помощи хирург, который, будучи не в состоянии увезти с собой все оборудование операционной, пытается наугад определить то, что понадобится ему в первую очередь и без чего он не сможет обойтись.

С тем, что хранилось в железном ящике Глеба Сиверова, можно было штурмовать укрепления, взрывать танки и сбивать низколетящие самолеты противника. Несколько лет назад Слепому, прикованному к постели после очередного ранения и лишенному каких бы то ни было развлечений, кроме телевизора, который с грехом пополам принимал два канала российского телевидения, довелось посмотреть голливудский боевик, где мускулистый герой, готовясь выйти один на один с мафией, в течение трех минут экранного времени обвешивал себя всевозможными орудиями убийства от охотничьих ножей до крупнокалиберных пулеметов и базук, оборачивался патронными лентами и подвязывал к поясу грозди ручных гранат. Снято все это было со вкусом: пряжки сочно шелкали, затворы лязгали, а патроны, как и положено, приглушенно звякали, соприкасаясь с гранатами и металлическими частями винтовок и пулеметов. Вся соль заключалась в том, что со всем этим грузом герой сохранил способность передвигаться, хотя и заметно вспотел. Глебу тогда пришлось прибегнуть к помощи аутотренинга, чтобы, с одной стороны, не впасть от этого зрелища в депрессию, а с другой – не слишком сильно хохотать: он боялся, что у него разойдутся швы и рана снова откроется, продлив его заточение наедине с телевизором.

Сидя на корточках над своим арсеналом и задумчиво затягиваясь сигаретой, Глеб невольно фыркнул, припомнив те незабываемые полтора часа, что он провел с глазу на глаз с американским суперменом, и, протянув свободную от сигареты руку, коснулся казенника лежавшего сверху автомата. Это был «АКМ» с подствольным гранатометом, оптическим прицелом и длинным глушителем – универсальное оружие, страшное на любом расстоянии, особенно в умелых руках. Если бы у Слепого была дурная привычка украшать приклад своего оружия зарубками после каждого успешного выстрела, на ложе автомата давно не осталось бы свободного места.

Его пальцы, словно наделенные собственной волей, блуждали в глубине ящика, дотрагиваясь, поглаживая и перекладывая с места на место маслянисто отсвечивающие железки. Каждая из них была хороша по-своему, и сейчас, сидя на корточках в тепле и уюте своей конспиративной квартиры, Глеб мог без труда представить себе ситуацию, в которой ему мог понадобиться тот или иной экспонат его богатой коллекции. Пластиковая взрывчатка, детонаторы, ручные гранаты, пистолеты, винтовки, метательные ножи – здесь было все, но он никак не мог остановиться на чем-то конкретном. Автоматы, дробовики всех систем и калибров, коробки с патронами – всего этого было навалом там, куда он собирался отправиться по просьбе невысокого человека с глубокими залысынами над суховатым лицом и негромким интеллигентным голосом.

Просьба... Глеб снова усмехнулся, задумчиво взвешивая на ладони свой любимый армейский кольт сорок пятого калибра. Когда такие люди о чем-то просят, окружающие, как правило, сломя голову бросаются выполнять просьбу – наперегонки, да еще и норовят при этом перегрызть друг другу глотки в борьбе за право первым приволочь пред светлые очи жар-птицу или, скажем, молодильные яблоки. Правда, жар-птица, не говоря уже о молодильных яблоках, – чепуха на постном масле по сравнению с тем, о чем попросило его, Глеба Сиверова, первое лицо государства, но меняются времена, а вместе с ними меняются приоритеты. Зачем прези-

денту страны, ведущей войну на своей территории, может понадобиться жар-птица? Разве что перья у нее из хвоста дергать – от досады, ясное дело...

Он рассеянно положил пистолет на край стола, встал и подошел к окну, за которым мок под морозящим мартовским дождем Кривоколенный переулочек. Музыка Вивальди билась у него за спиной, как огромное сердце, и на фоне этого мощного, очень чистого биения собственные мысли, события прошедшего дня и то, что ему предстояло сделать, представлялись Глебу просто жиденькой струйкой грязной воды на ослепительно белом поле. Это было какое-то странное смещение масштабов, словно он смотрел на свою жизнь в перевернутый бинокль. А может быть, подумалось ему, именно сейчас бинокль повернут нужной стороной?

– ...Не стоит винить генерал-майора Малахова в том, что и без него рано или поздно должно было случиться, – негромко сказал ему сидевший за столом человек и немного подвинулся в глубоком кресле, принимая более свободную позу. – Кроме того, как вы могли заметить, здесь темно. Вы меня видите, а я вас – нет. Никакого Глеба Сиверова не существует, так что ваше инкогнито в некотором роде осталось... э-э... нераскрытым.

– Гм, – с сомнением сказал Глеб. – А я думал, вы уехали.

– Многие так думают, – сказал человек в кресле. – Я полагаю, что вдаваться в детали не имеет смысла.

Глеб кивнул. Этот человек не так давно был разведчиком, так что вдаваться в детали действительно не имело смысла.

– Да, – сказал он, спохватившись и поняв по зависшей паузе, что собеседник попросту не разглядел его кивка. – Да, разумеется.

– Мне рекомендовали вас как человека, способного творить чудеса, – сказала первое лицо государства. Кресло под ним легонько скрипнуло. В полумраке Глеб разглядел знакомую полуулыбку, уже ставшую привычной для миллионов телезрителей. «Да нет, – подумал он, – пожалуй, уже для миллиардов. Вот это взлет! Куда тому пацану с его майорскими погонами!»

– Чудеса не по моей части, – не удержался Глеб. – Это вам в церковь надо... И потом, разве в ФСБ мало таких чудотворцев?

– Выходит, что мало. И потом, у вас в кармане, насколько мне известно, лежит удостоверение капитана ФСБ. Оно, если верить моим источникам, настоящее. Если удостоверение настоящее, а вы воспринимаете себя отдельно от Федеральной службы, получается, что ненастоящий вы сами.

– В некотором роде, – ответил Глеб. – Хотя, если честно, я об этом как-то не думал. Глеба Сиверова нет, так же, как и капитана Суворова. Тут можно забрести в такие философские дебри...

– Да, – немного подождав, но так и не дождавшись продолжения, сказал исполняющий обязанности президента, – философия – наука тонкая. Не перейти ли нам в таком случае прямо к делу? У меня чертовски напряженный график.

– Я вас слушаю, – сказал Глеб.

– На днях в районе Щелковского шоссе произошел совершенно вопиющий случай. Сотрудники ГИБДД ночью остановили шедший с превышением скорости автомобиль. При попытке осмотреть кузов сидевшие там люди открыли огонь. Был убит инспектор ГИБДД, остальные открыли ответный огонь и, насколько я понимаю, несколько увлеклись... В общем, перестреляли всех к... гм, да. В кузове автомобиля был обнаружен цинковый гроб. По номеру на крышке удалось определить, что в гробу должны были находиться останки младшего сержанта Садриева Ильдара Ильясевича, погибшего неделю назад в Чечне. Когда гроб вскрыли, там обнаружили фальшивые доллары. Три миллиона столларовыми бумажками. Качество исполнения довольно высокое, так что это серьезно, Глеб Петрович. Я уж не говорю о способе, которым эти фальшивки попадают в Россию.

– Три миллиона, – задумчиво повторил Глеб. – Это в одном гробу.

– Вот именно, – твердо сказал исполняющий обязанности. – Даже если мы станем вскрывать каждый прибывающий оттуда гроб – а мы станем, если того потребуют обстоятельства, – это... Это просто неслыханно! И потом, если мы перекроем этот путь доставки, они немедленно найдут другой.

– Если уже не нашли, – на время забыв о субординации, вставил Глеб. – У вас есть какие-нибудь конкретные данные?

– Если бы имелись конкретные данные, мне не пришлось бы беспокоить вас. Хватило бы одного штурмовика, а то и просто парочки «вертушек». Мы пытались раздобыть сведения о дислокации этой их фабрики, но...

– Ясно, – сказал Глеб и покосился на дверь, за которой остался коридор, ведущий к ярко освещенному залу, где на подставках стояли в ряд три гроба.

– Да, – сказал исполняющий обязанности. – Они ушли в поиск вечером, а утром их обнаружили армейские разведчики. Их просто перестреляли из засады – в упор, без затей. А они, между прочим, Радуева брали... Сегодня ночью туда вылетает транспортный самолет. С подробностями вас ознакомит генерал-майор Малахов. Если, конечно, вы согласитесь взяться за это дело.

Несмотря на то что в комнате было темно и становилось темнее с каждой минутой – похоже, над Лубянской проплывала весьма приличная туча, – Глеб прикрыл лицо ладонью, чтобы собеседник не увидел, как саркастически приподнялся левый уголок его рта. «Если вы согласитесь...» Этот человек умел быть обаятельным и вежливым, но капитан ФСБ Сиверов отлично знал, что он умеет быть и другим. Совсем другим. Впрочем, причин отказываться от задания он не видел, хотя никакой радости оно ему не доставило. Это было скорее ребячество, но Глеб поймал себя на том, что с гораздо большим удовольствием принял бы под свое командование взвод десантников, чтобы сойтись с противником в открытом бою... и под своим, черт бы его побрал, именем!

Ничего подобного он конечно же говорить не стал, хороню зная из истории, что порой один удачный выстрел решал исход войны. Ну, пусть не один, а пара-тройка, но лишенная мозгового центра армия неизбежно терпела поражение. Кроме того, далеко не все проблемы можно решить при помощи танков, тяжелой артиллерии и фронтовой авиации. У предстоявшей ему операции имелся тот весомый плюс, что теперь перед ним был реальный, легкоразличимый противник. Глеб вдруг почувствовал, что ему до смерти надоело ковыряться в московской грязи, по одному вытаскивая на свет божий мерзавцев в деловых костюмах и тихо беря их к ногтю, – все равно что давить пальцем тараканов на грязной, закопченной кухне, где по углам валяются объедки и воняет прогорклым жиром.

...Он отошел от окна, снова присел над раскрытым ящиком и быстро, почти не глядя, бросил в спортивную сумку несколько увесистых железяк. «Калашников» с глушителем и оптическим прицелом он аккуратно отложил в сторону, а потом так же аккуратно вернул в ящик. Задернув «молнию» сумки, Глеб снарядил и распахнул по карманам несколько запасных обойм к кольту. Подумав, он положил во внутренний карман куртки глушитель, разорвал еще одну коробку патронов и высыпал ее содержимое в карман.

Тяжелый кольт занял привычное место в наплечной кобуре, ящик скрылся в тайнике. Потом Глебу почудилось, что в дверь кто-то звонит. Он выглянул в окно, увидел напротив дома машину Малахова и убавил громкость музыкального центра.

Теперь звонки в дверь стали слышны отчетливо, и в них явно слышалось раздражение. Глеб вышел в тесную, из-за высокого потолка похожую на печную трубу прихожую и отпер тяжелую дверь. Малахов быстро шагнул через порог, недовольно хмуря брови и резкими движениями отряхивая с узких полей старомодной фетровой шляпы несуществующие капли дождя. Его лысина блеснула в свете электрической лампы, которая маячила в недосягаемой высоте, как умирающее от старости солнце. Какой-то болван повесил ее настолько высоко, что

у Глеба никак не доходили руки хотя бы обтереть с нее пыль, и потому свет в прихожей был тусклый, с нездоровым желтушным оттенком.

– Привет, меломан, – буркнул генерал. – Как маленький, честное слово... Или ты нарочно меня на лестнице держишь?

– Если честно, то следовало бы, – ответил Глеб. – Что же это вы, товарищ генерал-майор, своих сотрудников сдаете? В генерал-лейтенанты метите?

– Мальчишка, – проворчал Малахов, зачем-то нахлобучивая на голову шляпу. – Сдали его... Я сам чуть в обморок не грохнулся, когда он потребовал встречу с тобой устроить. Вторые сутки валидол сосу, как припадочный. Сдали... Видно, не все твои досье уничтожены. Да и у него, у и. о. нашего, котелок неплохо варит... Он мне две трети твоих дел прямо по пальцам перечислил. Генерал Потапчук дело такого-то расследовал? Расследовал. Где такой-то? Землю парит. Полковник Малахов связями сякого-то занимался? Ну и где он, этот сякой-то? Вот пуля пролетела – и ага... А между тем полковник Малахов, помимо всего прочего, дело об убийстве генерала Потапчука тоже курировал. Дело не раскрыто, а подопечные полковника Малахова что-то часто начали под шальные пули попадать. Что за беда такая? И нельзя ли ею, бедой этой, этак аккуратненько попользоваться в интересах нашей великой державы? А держава, сам понимаешь, козырь безотбойный, против нее не попрешь.

– Зато улыбается он здорово, – закрывая тему, сказал Глеб. – Кофе выпьете?

– Да какой, к черту, кофе?! Самолет через два часа. Ты собрался? Давай багаж, я заброшу.

– Экипаж предупредили?

– Может, еще объявление по телевизору сделать? Прямо по ОРТ, в рекламной паузе. Агент по кличке Слепой отправляется в Чечню рейсом военно-транспортного туристического агентства. Вот тебе бумажка, явишься за пять минут до отлета, покажешь командиру экипажа, и все будет в порядке.

Глеб развернул протянутую Малаховым бумагу и пробежал глазами по строчкам.

– Капитан Суворов, – прочел он, – специалист по общественному мнению... Черт, не нравится мне это... А кто подписал? Что-то подпись неразборчивая.

– Да какая тебе разница? Это он мне дал, – сказал Малахов, сделав сильное ударение на слове «он», так что сразу стало ясно, кого он имеет в виду. – Шушера какая-нибудь в полковничьих погонах. Ты, главное, на самолет не опоздай, а то придется на своих двоих добираться. Багаж будет на борту, это я устрою. Провожать не стану, так что ручкой на прощание можешь не делать.

– Спасибо, Алексей Данилович, – сказал Глеб, пожимая протянутую генералом руку. – И еще одно... Вы не могли бы сами позвонить Ирине?

– И тебе спасибо, – язвительно откликнулся Малахов, сердито выдирая руку. – Трусишка зайка серенький... Сам в кусты, а я отдувайся?

Глеб развел руками, показывая, что отрицать очевидное не имеет смысла.

– Черт с тобой, – проворчал генерал. – Думаешь, я не понимаю? Позвоню, не беспокойся. Как только доложат, что самолет в воздухе, сразу позвоню.

– Спасибо, – повторил Глеб.

Когда Малахов уехал, он погасил в квартире свет, снова включил музыку, закурил и долго смотрел в окно, где в подсвеченном фонарями мраке сверкал дождь.

Глава 3

Забрызганный грязью до самой брезентовой крыши УАЗик, натужно ревя движком, вполз на вершину невысокого холма и остановился, пьяно вильнув задними колесами на скользкой, превратившейся в непролазное черное болото дороге. До конца подъема оставалось еще несколько метров, и машина стояла, задрав кверху свой тупо обрубленный нос, как памятник всем механизмам, павшим в бесконечной битве с российским бездорожьем.

Из-за этого в узких амбразурах, протертых «дворниками», в слое покрывавшей передние стекла грязи виднелось только низкое серое небо, по которому быстро бежали рваные темные клочья туч, уже пролившихся дождем где-то на юге и потерявших силу. Боковые окна были залеплены до такой степени, что едва пропускали свет.

Как только машина остановилась, измученный тряской и беспокойством генерал-майор Малахов распахнул дверцу и выпрыгнул на дорогу – вернее, на то, что здесь, в Воронежской области, принято было называть дорогой. Его кожаные туфли с негромким чавканьем погрузились в грязь. На мгновение у генерала возникло странное ощущение, словно он попал в невесомость, но потом подошвы туфель коснулись более или менее твердой опоры, и это ощущение исчезло. Черная и пышная, словно специально взбитая каким-то безумцем в гигантском миксере грязь, жирно поблескивая, бесшумно сомкнулась над ступнями генерала Малахова где-то в районе щиколоток. Малахов вынул изо рта сигарету и с некоторым недоумением посмотрел вниз. Его мысли были заняты гораздо более серьезными вещами, чем весенняя распутица в Воронеже, так что внезапное исчезновение собственных австрийских ботинок вместе с заключенными в них ступнями его слегка озадачило. Грязь тускло поблескивала внизу с самым невинным видом, словно она слыхом не слыхала ни о каких туфлях. В самом деле, кто же ходит в середине марта по проселочным дорогам в дорогой столичной обуви? Да по ним в это время вообще никто не ходит без самой крайней нужды, если уж на то пошло!

Малахов вытащил из грязи одну ногу, критически осмотрел повисший на ней огромный ком жирного, мокрого, отваливающегося кусками чернозема, сдержал вертевшееся на языке ругательство и решительно двинулся к высшей точке холма, откуда можно было без помех окинуть взглядом все еще запятнанные островками грязного серого снега поля. Грязь под его ногами сыто чавкала, и Малахов без всякой связи с происходящим подумал, что, будь он свиньей, это место наверняка показалось бы ему раем. Идя к вершине холма и куря двенадцатую в это утро сигарету, генерал-майор Малахов остро завидовал свиньям, коровам, мышам, воробьям и вообще всем тварям божьим, не облеченным властью и ответственностью.

Генерал прилетел из Москвы один, так что всю дорогу ему пришлось бороться с расправившим его изнутри раздражением. Поблизости не было никого, кто привык к его скверному характеру, и Алексею Даниловичу приходилось все время контролировать себя, чтобы не облаять ни в чем не повинного подполковника, который встретил его на аэродроме. От этого его дурное настроение с каждой минутой только ухудшалось, а картина, открывшаяся ему с вершины холма, окончательно добила генерала.

Обломки тяжелого военно-транспортного самолета были разбросаны по площади чуть ли не в гектар. Исковерканный фюзеляж пропахал в раскисшем черноземе глубокую борозду, выглядевшую отсюда как след сабельного удара. Фюзеляж почернел и все еще лениво дымился, отлетевший хвост косо торчал далеко позади него, нелепо задрав к небу мощное оперение, сверху покрытое камуфляжными разводами, а снизу выкрашенное в грязно-голубой цвет. Повсюду валялись лохматые, перекрученные куски обшивки, исковерканные обломки крыльев. Малахов разглядел зарывшийся в грязь двигатель с торчащими вверх изогнутыми, перекрученными лопастями. От него до самолета было метров триста.

Поодаль, на дороге, все еще стояли две пожарные машины, возле которых, сматывая шланги, уныло копошились сгорбленные фигуры в черно-белых боевках и пластмассовых касках с прозрачными лицевыми щитками. Здесь же с покинутым видом торчал тентованный «Урал», на котором привезли солдат оцепления. Рядом с «Уралом» приткнулся еще один УАЗик. Водитель притер его почти вплотную к заднему борту «Урала», словно боялся, что без помощи мощного грузовика не сможет выбраться из этого болота. Вокруг обломков самолета, с трудом передвигая увязаящие в грязи ноги, бродили какие-то люди в полевой форме. Время от времени они нагибались, поднимали что-то с земли и роняли обратно. Малахов знал, что эти люди заняты делом, но никак не мог побороть впечатление, что они просто тянут время, не зная, чем бы заняться, и с нетерпением дожидаясь момента, когда можно будет махнуть на все рукой и рвануть по домам.

Малахов уронил окурочек в грязь и немедленно принялся копаться в сигаретной пачке, выуживая тринадцатую по счету сигарету. С того места, где он стоял, был хорошо виден изувеченный фюзеляж, на борту которого каким-то чудом уцелели остатки выведенных белой краской цифр. Эти цифры добились генерала окончательно, поскольку он помнил их наизусть. Последняя надежда Малахова развеялась: это был именно тот борт, которым он отправил в Чечню Слепого.

Генерал наконец выудил из пачки сигарету и принялся раздраженно чиркать зажигалкой. Собственно, говорить о надежде в данном случае было просто смешно: рапорт, поступивший по телефону, не оставлял места для сомнений, но Малахов продолжал надеяться до тех пор, пока собственными глазами не увидел бортовой номер.

Падение военно-транспортного самолета на колхозном поле под Воронежем само по себе относилось к разряду чрезвычайных происшествий, но для генерал-майора Малахова это была катастрофа. Разумеется, жизнь продолжалась и после того, как агент по кличке Слепой прекратил свое существование столь неожиданным и нелепым образом, но генерал ничего не мог поделать с пустотой, которая образовалась у него внутри после ночного телефонного звонка. Глеб был для него не просто агентом. Малахов знал это всегда, но лишь теперь окончательно понял, как много значил для него этот немногословный человек с искалеченной судьбой.

«Отмучился, бедняга», – подумал генерал и с трудом подавил новую вспышку раздражения. Мысль была слезливая, какая-то чужая, совсем стариковская, и от нее за версту разило фальшью. Генерал-майор Малахов не без оснований полагал, что Глеб Сиверов был достоин большего.

Он оглянулся и увидел, что подполковник, сопровождавший его от самого аэродрома, стоит рядом. Лицо у подполковника было усталое и равнодушное, на подбородке уже начала пробиваться щетина, а на каждом сапоге налипло по пуду грязи. Белки водянистых болотно-зеленых глаз покраснели от недосыпания, в глазницах залегли глубокие тени нездорового коричневатого оттенка. В руке у подполковника хрипела и бормотала портативная рация.

– Что слышно? – спросил Малахов, кивая на рацию.

– Пока ничего конкретного, товарищ генерал-майор, – ответил подполковник и виновато развел руками. – Обломки еще слишком горячие. Но нагли люди считают, что причиной аварии послужил мощный взрыв в пассажирском отсеке.

– Диверсия? – Малахов настороженно приподнял кустистые седеющие брови.

– Трудно сказать определенно, – ответил подполковник. – Во всяком случае, до тех пор, пока не будет проведено детальное расследование. По имеющимся данным, на борту находилось некоторое количество боеприпасов и взрывчатых веществ, так что не исключено, что взрыв произошел в результате несчастного случая или простой небрежности.

– Бардак, – обронил Малахов. Он не нуждался в объяснениях по поводу того, каким образом кто-то мог быть небрежным с боеприпасами и взрывчаткой на борту военного само-

лета. На эту тему генерал мог хоть сейчас написать целую диссертацию, но что-то упорно подсказывало ему, что все не так просто.

– Так точно, – со вздохом согласился подполковник, который тоже не первый день жил на свете.

Малахов пошевелил пальцами в промокших туфлях. На языке у него вертелся вопрос, и генерал задал его, отлично понимая, что подполковник наверняка решит, что он не в своем уме.

– Выжившие есть?

На мгновение лицо подполковника приобрело жалостливое выражение, какое бывают у людей, когда им приходится разговаривать с умственно неполноценным собеседником. Спыхватившись, подполковник поджал губы и, глядя мимо Малахова на обугленные обломки, ответил:

– Очень сомнительно, товарищ генерал. Если бы взорвался двигатель... в общем, если бы процесс имел какую-то длительность, тогда была бы надежда, хотя и очень слабая. А так... Все произошло мгновенно, на большой высоте, и на землю упала просто груда железа. Они как раз были на связи, когда это произошло. Диспетчер говорит, что передача оборвалась буквально на полуслове. Существует большая вероятность того, что все они погибли сразу, одновременно. Впрочем, мы ведем поиски. Задействованы все, кого можно было задействовать. Я думаю, примерно через час эксперты приступят к осмотру пассажирского отсека. Тогда можно будет... гм... пересчитать... если получится...

В отдалении пророкотал идущий на малой высоте вертолет. Подполковник не врал: поиски действительно велись. Малахов обвел взглядом плоский горизонт. Где-то далеко, на самой границе видимости, синел перелесок, и это было все. Если бы здесь было что искать, поиски с воздуха давно увенчались бы успехом. И потом, Сиверов, хоть и необыкновенный человек, но все-таки не киношный супермен. Он просто не мог выпрыгнуть из горящего, разваливающегося на лету самолета и уйти пешком прямо по воздуху, засунув руки в карманы и насвистывая. А жаль, что не мог...

Малахов вдруг не к месту вспомнил, что так и не позвонил Ирине Быстрицкой. Когда ему доложили, что интересующий его борт благополучно поднялся в воздух, было уже начало третьего пополудни, и он решил, что будет гораздо удобнее позвонить жене Глеба утром. А потом в его квартире раздался этот телефонный звонок, и первой его мыслью была мысль о том, что он теперь скажет Ирине. Вторая мысль: что доложить исполняющему обязанности президента? Третья: всех выведу на чистую воду и собственноручно расстреляю. В возможность несчастного случая генералу верилось слабо, а это значило, что впереди у него была масса работы.

– Извините, – сказал он подполковнику и вынул из кармана трубку мобильного телефона.

Подполковник кивнул и медленно, с трудом выдирая сапоги из чавкающей грязи, двинулся к машине, водитель которой, предусмотрительно оставшись в кабине, воровато покуривал в открытое окошко.

Генерал набрал номер рабочего телефона Быстрицкой и попросил у ответившего ему мужчины передать трубку Ирине. На душе у него скребли кошки, и он до сих пор не знал, что собирается говорить. Это было знакомое ощущение: генерал не впервой делал подобные звонки, но до сих пор к ним не привык и подозревал, что никогда не привыкнет. У него было много подчиненных, некоторые из них нравились ему, а других он с трудом переносил, но всякий раз, когда кто-то из них погибал, Малахов подолгу мучился, подыскивая слова, которые могли если не утешить родственников, то хотя бы сделать удар не таким беспощадным.

Через минуту он услышал в трубке знакомый голос, звучавший по-утреннему бодро и слегка встревоженно.

– Глеб? Где ты пропадаешь?

Малахов с большим трудом подавил трусливое желание прервать связь, проглотил застрявший в горле тугой комок, облизал губы и, зачем-то покосившись на машину, заговорил.

– Здравствуйте, Ирина. Это Малахов вас беспокоит.

– Алексей Данилович? Здравствуйте! Рада вас слышать.

– Рады? – поразился Малахов даже раньше, чем успел сообразить, что собирается сказать.

– Ну конечно, – ответила Ирина. – Почему бы и нет? Мне всегда приятно с вами поговорить, тем более что теперь понятно, куда запропастился Глеб.

Ее голос теперь был слегка приглушенным – видимо, ей не хотелось, чтобы к разговору прислушивались сослуживцы. Малахов с грустью подумал, что жены офицеров спецслужб с удивительной быстротой привыкают понижать голос, говоря о работе своих мужей.

– Когда он вернется, Алексей Данилович? – спросила Ирина. – Я понимаю, что точный срок вы назвать не можете, но хотя бы приблизительно...

– Ирина, – перебил ее Малахов и закашлялся. Ему вдруг показалось, что его сигарета набита конским волосом, как какой-нибудь дореволюционный диван. Он раздраженно отшвырнул ее в сторону, поборов возникшее вдруг желание швырнуть следом телефон. Сделав усилие, он взял себя в руки, в последний раз прочистил горло и зачем-то посмотрел в низкое серое небо из-под узких полей своей смешной старомодной шляпы. В небе не было ничего интересного. – Ирина, – повторил генерал, – послушайте... Я не знаю, как вам сказать...

– Скажите, как есть, – перебила его Ирина. Голос ее стал сухим и ломким, как прошлогодняя трава. Казалось, он доносился до Малахова с обратной стороны луны. – С ним что-то стряслось?

– Стряслось? Да, пожалуй, можно сказать и так... Мне действительно очень жаль, Ирина, но... Глеб не вернется. Он погиб.

«Ну вот, – подумал Малахов, – слово сказано. Мосты сожжены, и обратной дороги нет. Надо позвонить жене, пусть она с ней побудет, хотя бы сегодня...»

– Убит? – едва слышно переспросила Ирина. – Вы сказали – убит?

– Я этого не говорил, – мучительно морщась от сочувствия к Ирине и отвращения к самому себе, ответил Малахов. – Произошла авиационная катастрофа. Совершенно нелепый случай. Вы поезжайте домой, побудьте там. Я позвоню Маргарите Викентьевне, она с вами побудет...

– Где... Где тело? – снова перебила его Ирина. Голос у нее был слабым и надтреснутым, но тренированное ухо генерала Малахова без труда различило за этой слабостью несокрушимый металл. Этот стальной подголосок немного успокоил генерала.

– Тело пока не нашли, – ответил он.

В трубке вдруг послышался странный звук. Малахов решил, то этот сухой треск вызван какими-то неполадками на линии, но в следующее мгновение понял, что Ирина смеется. От этого смеха у него по спине побежали мурашки.

– Не нашли? – переспросила она. – Тогда зачем же вы звоните? Кто вам сказал, что он погиб? Если тело не найдено, значит, он жив.

«Не „если“, – мысленно поправил ее Малахов, – а „пока“. Пока не найдено. Ах ты, господи!...»

– Я тоже хотел бы на это надеяться, – начал было он, но Ирина уже бросила трубку.

Генерал медленно сложил и спрятал свой телефон, глядя, как копошатся возле самого большого обломка фюзеляжа люди в полевой военной форме. Он думал о том, что реакция Ирины на сообщение о том, что тело Слепого пока не найдено, не имеет ничего общего с трезвым рациональным подходом, к которому привык он сам и который всегда считал единственно верным. Женщина была просто ослеплена горем и не способна за один раз воспринять размеры обрушившегося на нее катаклизма. Защитная реакция организма, ложь во спасение, то-се... Потом Малахов вспомнил, что эта женщина хоронит Слепого не в первый раз и знает

его лучше, чем кто бы то ни было. Этот человек неоднократно возвращался с того света, и генерал почувствовал, что снова начинает надеяться. Эта надежда несколько увяла, когда он снова бросил взгляд на обломки самолета, но до конца так и не умерла, хотя Малахов готов был дать голову на отсечение, что уцелеть в этой мясорубке было просто невозможно.

* * *

Глеб успел посетить банк перед самым закрытием. Теперь, когда дискеты с информацией были надежно заперты в подземном хранилище, а генерал клятвенно пообещал позвонить Ирине, как только шасси самолета оторвутся от земли, можно было не торопясь, обстоятельно обдумать свои дальнейшие действия.

Усевшись за руль, Слепой включил потолочный светильник и еще раз перечитал переданный ему Малаховым пропуск. Ему было бы спокойнее, если бы эту бумажку генерал сострепал лично, без посредников, но слово «спецрейс», гвоздем торчавшее посреди коротенького документа, видимо, было здесь ключевым. Первое лицо государства очень торопилось, и Глебу совсем не нравилась эта спешка. Конечно, дело ему предстояло серьезное и не терпящее отлагательств, но именно поэтому почти волшебная скорость, с которой вдруг завертели события, вызывала в нем глухое внутреннее сопротивление. Эта организованная сверху гонка заставляла его чувствовать, что он утрачивает способность по собственному усмотрению управлять не только ходом событий, но и собственными действиями, а это уже никуда не годилось. Когда в течение какого-то времени пассивно плывешь по течению, подчиняясь чужой воле, вырабатывается очень опасная привычка постоянно оглядываться через плечо, ожидая указаний. Как в анекдоте про таксиста, подвозившего пассажира, у которого при себе оказался второй руль. Этот чудак просто сидел рядом, держа перед собой ни к чему не прикрепленную баранку, и повторял каждое движение водителя. А когда тот привык к синхронному движению двух рулевых колес, пассажир вдруг резко крутанул свою баранку вправо, и таксист, не успев подумать, повернул следом, напрямиком в столб...

Продолжая держать в правой руке пропуск, Глеб опустил левую в карман и задумчиво побренчал лежавшими там патронами. Бросив взгляд на вмонтированные в приборную панель часы, он тихонько присвистнул: до вылета самолета оставалось каких-нибудь полчаса. Правда, погода нелетная, борт наверняка задержат, но все-таки...

Его сумка с оружием, наверное, уже в самолете. Что он туда положил? Кажется, «узи», старый «шмайссер» со сбитым прицелом – подарок Малахова, «ТТ» и почему-то два пустых рожка от «Калашникова». Ах да, и еще древнюю противотанковую гранату без запала – для веса, надо полагать. Давно хотел от нее избавиться.

Глеб усмехнулся, подумав о том, какие штуки иногда выкидывает подсознание, если дать ему волю. Ведь он принял решение еще там, сидя на корточках над открытым ящиком с оружием, но до конца продолжал вести себя так, словно ничего еще не было ясно. Да и сейчас еще сомневался в собственной правоте, если уж быть до конца откровенным. Слишком решительно им начали руководить, слишком гладким казался проложенный высочайшим указом путь. Транспортный «Ил» – это, конечно, не «Боинг», зато как все просто! Как в детском стишке: в кресло сел, завтрак съел – что такое? – прилетел! А там для тебя уже все готово: и машина с полным баком, и помощники, если в них возникнет нужда, и оружие, и пропуск для беспрепятственного проезда по всему театру военных действий... и цинковый ящик где-нибудь дожидается. Вот только неизвестно, что в нем отправят на родину: твои кости или очередную партию фальшивых денег.

До Казанского вокзала он добрался на такси, бросив свою машину на неохраняемой стоянке в трех кварталах от банка. Таксист принялся недовольно ворчать, когда Глеб заставил его в течение получаса петлять и кружить по городу, но, получив щедрую плату, угомонился и

даже пожелал своему странному пассажиру счастливого пути. Глеб помахал ему на прощание рукой и належке двинулся к зданию билетных касс. По пути ему попался коммерческий киоск, в котором он за безбожно огромную цену приобрел легкую спортивную сумку, зубную щетку, пасту, кусочек мыла и безопасную бритву с набором одноразовых лезвий.

Привокзальная площадь сияла огнями, морозящий дождь прекратился, и в холодном воздухе повис туман, окружив фонари сияющим жемчужным ореолом. В воздухе отчетливо пахло углем и мазутом – железной дорогой, дальними странствиями. Глеб с раннего детства любил ездить поездом. У большинства людей эта любовь проходит годам к восемнадцати, вытесненная сопряженными с таким способом передвижения хлопотами и неудобствами, но Глеб Сиверов был исключением из правила. Железная дорога всегда вызывала в нем легкое волнение – казалось, по блестящим рельсам можно уехать в совершенно неведомые края, в другую жизнь, чуть ли не в Зазеркалье. Снова поймав себя на этом ощущении обещанного праздника, Глеб усмехнулся и покачал головой. Ему давно уже было известно, что все железные дороги заканчиваются в сутолоке и грязи депо и захолустных сортировочных станций, но чувство приятного подъема все равно не проходило. Возможно, отчасти в этом было виновато его очередное бегство из-под надзора. Сломав оговоренную последовательность действий, он каким-то образом восстановил статус-кво, опять сделавшись независимым и невидимым как для врагов, так и для друзей.

Перед его мысленным взором вдруг как живая предстала Ирина, сидящая с ногами в своем любимом старом кресле и читающая какой-то журнал при свете торшера. Вернее, делающая вид, что читает, потому что на самом деле она дожидалась его возвращения, чутко прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся с лестничной площадки. Эта картина разбудила в нем глухие угрызения совести, но Глеб утешил себя тем, что Малахов, наверное, уже сделал обещанный звонок.

Он вошел в зал, где продавали билеты на поезда дальнего следования, и, отстояв коротенькую очередь, приобрел два места в спальном вагоне до Пятигорска. Теперь в его распоряжении было целое купе, что полностью разрешало проблему попутчиков, которым могло не понравиться соседство с человеком, у которого под мышкой висит пистолет, а в карманах полно патронов и запасных обойм.

До отправления поезда оставалось еще почти два часа. Глеб вышел из здания вокзала на Каланчевскую площадь и остановился, придерживая на плече ремень полупустой сумки. Туман оседал на его кожаной куртке мелкими капельками влаги, мартовская грязь поблескивала в свете фонарей. Автомобили, проезжая мимо, издавали такой звук, словно двигались по огромной липучке для мух, с трудом отдирая от нее колеса. Глеб вытряхнул из пачки сигарету, автоматически отметив, что внутри осталось всего три штуки. Что ж, решил он, до утра этого ему вполне хватит, а там... Там о сигаретах придется на время забыть. Там придется на время забыть о многом. В голове у него вдруг возник на удивление яркий образ: мохнатый паук-охотник, крадущийся в поисках жертвы через травяные джунгли, время от времени останавливающийся и приподнимающийся на своих суставчатых ногах, чтобы оглядеться. Идеальная машина смерти – без эмоций, без пристрастий, без вредных привычек и перепадов настроения. Это была довольно отталкивающая картинка, но Глеб лишь равнодушно пожал плечами: каждый уважающий себя профессионал во время работы приобретает некоторое сходство с машиной. Скажем, хороший плотник, когда он занят своим делом, представляет собой идеально отлаженное универсальное устройство для отпиливания досок и забивания гвоздей. И чем седой профессор, с блеском читающий одни и те же лекции уже двадцатому поколению студентов, отличается от хорошего магнитофона? Разве что тем, что его нельзя выключить, когда надоест.

Глеб чиркнул колесиком зажигалки и раскурил успевшую слегка отсыреть сигарету, внося свою лепту в загрязнение атмосферы. На крыше соседнего здания красно-синим огнем

полыхала реклама. Он поймал себя на том, что совсем не думает о деле, и снова едва заметно пожал плечами: ну и что? Впереди у него дальняя дорога и масса времени. К тому же он не знал, о чем тут думать. При том минимуме информации, которым он обладал, можно было только фантазировать. Все станет ясно, когда он доберется до места. Впрочем, кое-что можно с некоторой долей уверенности утверждать уже сейчас.

Глеб медленно двинулся в сторону Краснопрудной, поглядывая по сторонам и мысленно раскладывая по полочкам то, что он знал, и то, о чем мог только догадываться. Кто-то в Чечне занимался печатанием фальшивых долларов, причем в масштабах, исключающих всякую возможность самодеятельности. Это не нолики к десяткам подрисовывать, это целое производство. Глеб криво улыбнулся. Чего там только не производят! Нефтяные скважины во дворах, перегонные кубы в сараях, самодельный бензин, а теперь вот – доллары домашней выработки, отличающиеся от настоящих только тем, что на самом деле они поддельные. Подрыв экономики противника путем вброса на рынок огромных масс фальшивых денег – старый фокус, проверенная тактика. Вместе с масштабами производства это поневоле наводит на мысль, что тут действовал не предприимчивый частник. Это – часть политики, один из фронтов продолжающейся уже шестой год войны.

Слепой покачал головой. Фактически ему предлагали отыскать Масхадова и спросить, не он ли организовал фабрику по производству фальшивок. А если президент Ичкерии возмущенно ответит, что он тут ни при чем, придется отправиться на поиски Хаттаба или Басаева и взять интервью у них... Ничего не скажешь, веселая перспектива!

Сразу за универмагом «Московский» Глеб увидел открытое кафе и решительно свернул туда, вспомнив, что перед уходом даже не выпил кофе. За спиной у него, kloкоча двигателем, медленно прокатился милицейский УАЗик: стражи порядка патрулировали злачные места в поисках легкой добычи. Слепой слегка поморщился, как от зубной боли: все-таки на свете было и есть немало неприятных вещей и явлений помимо плохой погоды.

Оказалось, что в забегаловке, куда он наудачу завернул, можно было выпить неплохого кофе, сваренного по-турецки – именно так, как любил Глеб. Помимо кофе, здесь имелся весьма широкий ассортимент горячительных напитков, так что пристальное внимание патрульных ментов к этой точке общепита было вполне объяснимо. Глеб снова посмотрел на часы и после недолгого колебания заказал к кофе пятьдесят граммов армянского коньяка – не для храбрости, а просто потому, что это было вкусно.

Все столики в крохотном зальчике оказались заняты, и он присел на освободившийся табурет у стойки, наблюдая за тем, как худосочная крашеная блондинка в белой мужской рубашке навывпуск и зеленом жилете с ловкостью бывалого наперсточника передвигает в жаровне с раскаленным песком шипящие, пенящиеся джезвы с кофе. Вид у нее был ночной, сонно-возбужденный, острые плечи под широкой, не по размеру рубашкой ритмично приподнимались и опускались в такт музыке, которая лилась из сипловатых динамиков дешевого двухкассетника. Девушка выглядела вялой и анемичной, но кофейные причиндалы так и мелькали у нее в руках, и Глеб, всегда испытывавший самые теплые чувства к профессионалам, невольно залюбовался.

Ему подали коньяк в пузатой рюмке, и тут же оказалось, что его кофе уже готов. Глеб еще раз покосился на часы и бросил на стойку пару купюр, решив расплатиться сразу. Он закурил, придвинув к себе стоявшую поодаль пепельницу, пригубил кофе и, держа рюмку с коньяком у самого лица, повернулся спиной к стойке, чтобы видеть зал.

Запах хорошего коньяка щекотал ему ноздри, в воздухе плотными слоями плавал подсвеченный ритмичными вспышками цветомузыкальной установки табачный дым, отдаленно похожий на северное сияние. Народ за столиками сидел в основном кочевой, привокзальный, и разговоры здесь велись соответствующие: кто-то радовался встрече, кто-то, наоборот, пил «на посошок», торопясь и поглядывая на часы. Взгляд Глеба рассеянно скользил по лицам и

спинам, ухо автоматически ловило обрывки разговоров. Он подумал, что за долгие годы двойной жизни привычка все время быть начеку вошла в плоть и кровь, сделавшись краеугольным камнем натуры. Здесь, в дешевой привокзальной забегаловке, у него не было никаких дел, но внутренний сторож помимо его воли просеивал хаотичный шум, состоявший из музыки, болтовни и звона посуды, как радиосканер. Глеб улыбнулся уголком рта, немного отпил из рюмки и, немного посмаковав, проглотил коньяк, который тут же разлился по пищеводу приятным теплом. Внезапно что-то в зале привлекло его внимание, и он не глядя поставил рюмку на стойку даже раньше, чем понял, что секунду назад его слуха коснулось слово «Шамиль», произнесенное хрипловатым прокуренным басом.

Глеб откинулся назад, привалившись спиной к стойке и забросив на нее локоть. Сигарета дымилась у него в зубах, дым разъедал левый глаз. Он стал внимательно осматриваться кругом, щурясь от дыма, с видом полупьяного бездельника, которому некуда торопиться. Его левая рука опять скользнула в карман куртки и принялась перебирать теплые цилиндрики пистолетных патронов, словно это были четки. Он никак не мог понять, откуда долетело привлекающее его внимание имя; более того, он не понимал, зачем ему это нужно. Москва говорила о чеченцах не первый год, и любой мужской разговор за бутылкой рано или поздно сворачивал в накатанную колею этой избитой темы. Но что-то в том, как было произнесено имя Басаева (если, конечно, речь шла о нем, а не о каком-то другом Шамиле), заставило Слепого насторожиться.

Наконец он нашел то, что искал. Двое мужчин сидели через столик от него, пили пиво пополам с водкой, ожесточенно дымили сигаретами и о чем-то оживленно беседовали. Один из них, крепкий чернявый парень лет тридцати, выглядел типичным москвичом. Он больше слушал, чем говорил, и, судя по тому, что видел Глеб со своего места, всячески пытался унять расходившегося собутыльника, который на глазах утрачивал связь с реальностью, а вместе с ней, похоже, и инстинкт самосохранения. Это был крупный, широкоплечий и поджарый самец лет сорока, с редящей русой шевелюрой и короткой, но какой-то очень неопрятной бородой. Эта борода выглядела так, что сразу было ясно: ее отпустили не для красоты, а просто потому, что бриться было либо очень затруднительно, либо просто лень.

Одет этот человек был по-дорожному: в потертую кожанку, старые, некогда черные, а теперь ставшие грязно-серыми джинсы и растоптанные рыжие ботинки со сбитыми носами. Из багажа при нем имелась только небольшая спортивная сумка, ремень которой был небрежно наброшен на спинку стула. Глеб сразу понял, что эта небрежность напускная: русоволосый путешественник время от времени, не прерывая разговора, отводил назад руку и шупал сумку, проверяя, на месте ли она. Видимо, в этой потертой сумке было нечто, представлявшее для ее владельца гораздо большую ценность, чем смена белья и туалетные принадлежности.

Но самой примечательной деталью внешнего облика этого человека был его правый глаз, точнее, плотная повязка из черной материи, наискосок пересекавшая лоб и полностью скрывавшая глазницу. На щеке под повязкой Глеб заметил розовый рубец свежего шрама. Когда его внутренний приемник окончательно отстроился от помех, он понял, что в данный момент разговор идет как раз об этом шраме. Видимо, история излагалась не в первый и даже не во второй раз, потому что чернявый собеседник одноглазого откровенно скучал и косился по сторонам, явно прикидывая, под каким предлогом слинять.

– Прямо в глаз, понял? – невнятно рычал одноглазый. – Как трахнутую белку! М-меня!.. Взял бы он на сантиметр левее, и привет. Не пили бы мы с тобой сейчас, Алеха. Там бы я и сгнил. Они, падлы, нашего брата не подбирают. Да их так прут, что они и своих не успевают подобрать... Как жажнет в стену – р-раз!!! Гляжу, а глаза нету... Осколком кирпича, представляешь? Обидно, блин. Какой из меня, кривого, на хрен, снайпер?

Глеб сел поудобнее, снова взял со стойки свою рюмку и стал смотреть в другую сторону, где выламывалась под музыку очень молодая и очень пьяная девица с весьма призывной внешностью. При этом боковым зрением он наблюдал за одноглазым и его собеседником, который

явно чувствовал себя не в своей тарелке. Все это было настолько интересно, что Глеб решил на время забыть о своем поезде и действовать по обстоятельствам.

– А Шамиль, сучара, мне и говорит... – продолжал одноглазый.

– Да тише ты, ради бога, – прошипел чернявый Алеха, хватая его за рукав кожанки.

– Чего – тише? А, ну да... Да пошли они все на хер, Алеха! Бабки – это да, мне здесь таких и за пять лет не заработать. А так... Одно слово – козлы.

– Мои слова не очень добры, но и не слишком злы. Я констатирую факт – козлы, – негромко и слегка нараспев проговорил Алеха, явно кого-то цитируя. Видно было, что он страстно мечтает оказаться подальше от этого места, но побаивается своего звероподобного собеседника. – Слушай, Серега, мне действительно пора. Жена...

– Да пошла она в ж... корова твоя плоскостопая! – рыкнул одноглазый Серега. – Же-на-а... Помню я, как она тебя на себе женила. С-стерва, пар-р-разитка... Жалко мне тебя, Алеха, понял? Ты же парень – огонь! А эта тварь толстозадая тебя под каблуком держит, как какого-нибудь очкарика. Нет, здорово, что мы с тобой встретились!

– М-да, – с некоторым сомнением согласился Алеха.

– Чего ты мямлишь? Здорово, говорю! Давай еще по стопарю за это дело... Ты меня слушай. Что ты имеешь в этой своей конторе? Сто двадцать? Это баксов, что ли? И это, потвоему, деньги? Мы же с тобой два года в казарме на соседних койках спали, я же тебя, как облупленного... Ты же из автомата в десятку попадаешь чаще, чем некоторые струей в унитаз. Там, – он многозначительно указал большим пальцем через плечо, приблизительно в направлении туалета, – такие, как ты, на вес золота. Только наши платят меньше, вот в чем загвоздка. Но я тебе объясню, как пройти... Найдешь Ахмета... Ахмет Долмаев, запомнишь? Скажешь, Серега Свисток послал. Примут как родного. Он, Ахмет то есть, у них там вроде командира.

– Тише, – процедил Алеха сквозь плотно стиснутые зубы. – Тише ты, идиот! Пошли отсюда!

– Да на хрена нам уходить? – искренне и очень громко изумился одноглазый. – Так душевно сидим...

– Как хочешь. Мне пора.

Чернявый Алеха встал, с шумом отодвинув стул. Глеб ленивым жестом вернул недопитую рюмку коньяка на стойку, одним глотком, не почувствовав вкуса, допил остывший кофе и глубоко затянулся сигаретой перед тем, как раздавить ее в пепельнице. Тень невеселой улыбки снова тронула его губы. Он почему-то думал, что от работы его отделяют сутки пути, но по странной иронии судьбы война нашла его здесь, в привокзальной забегаловке.

Одноглазый тоже тяжело поднялся, едва не опрокинув стул и первым делом ухватившись за ремень своей сумки. Его совсем развезло, нижняя губа отвисла, глаза смотрели тупо и расфокусированно.

– С-стой, – с трудом ворочая языком, выговорил он. – Пр-р-вожу... бабок таксисту... У меня бабок – во!..

Он звонко хлопнул ладонью по пыльному боку своей сумки, и Глеб подумал, что напрасно волнуется: этот идиот делал все, чтобы его пристукнули без вмешательства агента по кличке Слепой. С другой стороны, когда бьешь человека по голове, намереваясь стяжать его сумку, летальный исход вовсе не гарантирован, а Глебу почему-то очень хотелось быть уверенным именно в таком исходе. Помимо справедливого и законного суда, существуют такие вещи, как мировое сообщество, Совет Европы, права человека, мораторий на применение смертной казни и прочие высокогуманные институты, в данном случае не имеющие никакого отношения к делу. Слепому почудилось, что к витавшим вокруг запахам кофе, сигарет и спиртного примешалась густая струя трупной вони, словно в полуметре от него на стойку приземлился сытый стервятник.

Глеб повернулся к залу спиной, положил на стойку оба локтя, улыбнулся и сделал художочной блондинке комплимент по поводу ее мастерского владения техникой приготовления кофе. Блондинка тоже улыбнулась и что-то вполне дружелюбно ответила, не переставая ритмично двигать челюстями, – она жевала мятную резинку, запах которой временами забивал даже густой аромат кофе. Они немного поговорили – слегка подвыпивший клиент и усталая барменша, а когда Глеб снова обернулся, столик, за которым сидели Алеха и одноглазый, уже занимала симпатичная молодая пара. Закрывавший дверной проем занавес из разноцветных деревянных бус еще колыхался. Глеб подсунул под свое кофейное блюдце десять долларов, подмигнул барменше и сполз с высокого табурета, неторопливо направившись к выходу.

Его левая рука опять была в кармане, брэнча пистолетными патронами, как морскими камешками. В дверях он бросил быстрый взгляд на часы. До отправления поезда оставался почти час – бездна времени для того, кто умеет действовать решительно и быстро.

Глава 4

Они вышли из кафе и повернули было к Каланчевской площади, где была стоянка такси, но Алексей Рыбин, еще сохранявший способность соображать, издали увидел припаркованный у обочины «луноход» с коварно потушенными огнями и с немалым трудом развернул своего плывущего без руля и ветрил спутника на сто восемьдесят градусов. Перспектива ночевать в вытрезвителе ему не улыбалась, но еще больше Алексея пугало то, что его окосевший приятель по незабвенным армейским дням Серега Старовойтов мог спьяну наболтать ментам. Был он на самом деле снайпером у Басаева или сочинил весь этот бред для красного словца, не имело никакого значения. Все равно будет разбирательство, повестки, звонки на работу, запросы какие-нибудь... Алексей был на хорошем счету в своей фирме, и одно упоминание его имени в связи с подобным дурно пахнущим делом могло поставить на его карьере жирный крест.

Старовойтов вдруг затеял петь. Редкие прохожие, шлепавшие сквозь туман и слякоть к теплу и уюту своих квартир, вздрагивали и оборачивались на его хриплые вопли, густо пересыпанные отборным матом и почему-то частыми и безграмотными ссылками на Коран. Рыбин скрипнул зубами, прошептал короткое ругательство и боком нырнул в устье Краснопрудного переулка, решив, что дружба дружбой, но это уже чересчур. Его маневр, однако же, ни к чему не привел: Старовойтов, который, казалось, вообще ничего не соображал, каким-то образом заметил исчезновение приятеля, огляделся и, заметив светлую куртку Рыбина, как ни в чем не бывало свернул вслед за ним в переулок, продолжая петь и материться.

– Гуляем, Алеха! – орал он на весь переулок. – Айда по бабам! Бр-р-роня крепка!.. И танки наши... быстры! И наши люди мужества полны! Эй, Алеха, мать твою! В строю стоят чеченские танкисты, и перед боем делают в штаны!!! Алла акбар! Знаешь, чего это?

– Знаю, знаю, – процедил Рыбин.

Зубы у него были стиснуты так, что ныли челюсти. Он проклинал тот миг, когда, растаяв от радости неожиданной встречи, принял предложение старинного приятеля пропустить, как тот выразился, «по пять капель». Жена, Лариска, наверное, совсем с ума сошла от беспокойства... хотя насчет Лариски Старовойтов, пожалуй, был прав.

Алексей Рыбин познакомился с Сергеем Старовойтовым еще в карантине, когда они, стриженные «под ноль» и «в рюмочку» утянутые негнушимися ремнями из скверной искусственной кожи, учились ходить «гусиным шагом» и раздеваться до белья, пока в руке сержанта горела спичка. Сержант утверждал, что спичка сгорает ровно за сорок пять секунд. Это было наглое вранье – Алексей проверил это, спалив в курилке полкоробка спичек. Ни одна из них, как он ни старался замедлить процесс, не горела дольше тридцати секунд. Тем не менее, попрактиковавшись с неделю, все они научились раздеваться и ложиться в постель даже раньше, чем зажатая в толстых коротких пальцах сержанта Сафронова спичка начинала дымиться и гасла.

Впрочем, дело было вовсе не в спичках и даже не в сержанте Сафронове, который очень быстро ушел из жизни новобранцев, отправившись обратно в свою часть, как только срок карантина истек. Дело, как теперь понимал Алексей Рыбин, было в том, что всем им стукнуло тогда по восемнадцать лет, а в этом чудесном возрасте шапочное знакомство очень быстро перерастает в крепкую дружбу, особенно если ваши койки стоят бок о бок и в строю вы стоите рядышком, обмениваясь почти неслышными замечаниями по поводу брюха замполита и дурного настроения командира роты: уж не наставила ли ему жена рога?

Кроме того, это был единственный способ выжить в условиях царившей в части разнузданной дедовщины. Рыбин в ту пору был начитанным мальчиком, все еще бредившим такой чепухой, как справедливость и человеческое достоинство, из-за чего его частенько покола-

чивали и всячески унижали, постепенно низводя до разряда так называемого «чмо», что в переводе на общепонятный язык означало примерно то же, что индийское словечко «пария». Рыбин уже подумывал о том, чтобы, заступив в наряд, перестрелять пару-тройку своих обидчиков, а потом пустить себе пулю в висок, но тут Серега Старовойтов, которому все это надоело, перестал заступаться только за себя и взял Рыбина под свою защиту.

До армии Старовойтов боксировал в среднем весе, был чемпионом Московской области и не попал в спортроту только потому, что чем-то не угодил командиру полка. Все попытки старослужащих обломать «борзого чайника» в буквальном смысле слова разбивались о каменные кулаки Старовойтова. Это противостояние могло бы закончиться очень плохо, но, к счастью, среди старослужащих в их роте не оказалось настоящего вожака, способного довести дело до логического завершения, и постепенно Старовойтова, а вместе с ним и Рыбина оставили в покое.

С тех пор так называемые «суровые армейские будни» превратились для обоих в некое подобие пионерского лагеря – бесконечные каникулы с не слишком обременительными обязанностями. Молодые организмы без особого напряжения справлялись с пресловутыми трудностями армейского быта, день ото дня становясь только крепче и здоровее. Это были идеальные условия для «суровой мужской дружбы», так что, увольняясь в запас, Рыбин и Старовойтов обменялись адресами и в конце концов растрогались до такой степени, что Старовойтов, как человек более простой и близкий к земле, даже уронил скупую мужскую слезу.

Они действительно продолжали встречаться после армии – приблизительно в течение года, а может быть, и больше. Конец их отношениям положила Лариска. Старовойтов терпеть ее не мог, и она отвечала ему взаимностью, так что, едва узаконив свои отношения с Рыбиным, Лариска решительно указала приятелю мужа на дверь. Она была на шестом месяце беременности («Поймала мужика за конец», – говорил по этому поводу Старовойтов), и ее раздражительность достигла апогея – так, во всяком случае, решил неопытный Рыбин. В этой области ему предстояло сделать множество неприятных открытий, но тогда он этого не знал. Так или иначе, Старовойтов исчез из его жизни – не сразу конечно. Они несколько раз встречались на нейтральной территории, баловались пивком и водочкой под вяленого леща, но уже тогда их дружба стала давать трещины, как попавший в теплые воды Гольфстрима айсберг. В армии они были одинаковы, но на гражданке между студентом университета Рыбиным и каменщиком третьего разряда Старовойтовым пролегла пропасть, с каждым днем становившаяся все шире. Им просто стало не о чем говорить, потому что их общее прошлое было слишком маленьким, а общего настоящего у них не было и быть не могло. Как-то незаметно они перестали видеться, и со временем Сергей Старовойтов превратился для Рыбина просто в смутно знакомое имя, наподобие имен, выбитых на развешанных по всему городу мемориальных досках. Гоголь Николай Васильевич. Пушкин Александр Сергеевич. Маршал Жуков. Генерал Доватор. Чкалов Валерий, кажется, Павлович... или не Павлович все-таки? И Старовойтов Сергей Леонидович, младший сержант запаса. Ну и что?..

А потом они встретились. Через столько лет, черт подери! Сквозь алкогольный туман Рыбин с некоторым усилием припомнил, каким образом оказался на Каланчевке. Ну как же – дача! Сарайчик в чистом поле под Софрино, где только и помещается что печка, скрипучая кровать да пара лопат. Ни один уважающий себя бомж не станет трудиться, вламываясь в эти хоромы, но если Лариса Ивановна решила, что нужно съездить туда и проверить, не пропало ли чего за зиму, тут уж не поспоришь. Лариса Ивановна – это вам не сержант со спичками... Там-то – не в Софрино, конечно, а на Каланчевской площади – Рыбин и столкнулся нос к носу с бывшим закадычным дружкой. Уж лучше бы не сталкивался. Уж лучше бы тот осколок кирпича, который лишил Серегу Старовойтова глаза, вышиб ему мозги. Между прочим, было бы поделом. Надо же, что удумал: в своих стрелять! За деньги. Вот же гад! Заткнулся бы он, что ли...

Тем не менее где-то в самой глубине сознания, почти заслоненная тревожными переживаниями по поводу непотребного поведения Старовойтова, теплым мохнатым зверьком шевелилась некая не лишенная приятности мыслишка. Старовойтов – снайпер? Ха! Нет, отчего же, можно допустить, что он насобачился, стреляя по своим, но все-таки как стрелок он никогда не мог даже близко сравниться с Алексеем Рыбиным. Рыбин вспомнил то непередаваемое ощущение, которое возникало у него всякий раз, когда он прижимался щекой к гладкому дереву автоматного приклада. Он всегда мог точно сказать, куда ляжет посланная им пуля, и ни разу не выбил на учебных стрельбах меньше «девятки». И бесплатно, между прочим. А уж за деньги, тем более за большие! И что с того, что стрелять придется в своих? Какие они Лехе Рыбину свои? Вернутся домой и станут такой же сволотой, как афганцы: кто в криминал, а кто напялит голубой берет и пойдет брэнчать на гитаре и организовывать общественные движения с целью сбора денежных средств на опохмелку, звеня медалями и раздирая на груди тельняшки. Они же все – потенциальные преступники! А некоторые, судя по той информации, что просачивается из-за линии фронта, уже и не потенциальные, а самые что ни на есть кинетические. Убийцы, насильники, мародеры... Аргументация, конечно, довольно шаткая, да и дело весьма опасное, но зато какие деньги!

– Что? – переспросил он, с опозданием заметив, что Старовойтов перестал орать и что-то настойчиво ему втолковывает.

– Я говорю, не забудь имя: Ахмет. Ахмет Д-долмаев. Не Долбаев и не Раздолбаев, а Долмаев. Не перепутай, а то у них там живо... жи...во... пулю... в брюхо...

– Тише! – в тысячный, наверное, раз за сегодняшний вечер воззвал Алексей. – Ты что, по военному трибуналу соскучился, дурак? Ты понимаешь, что ты несешь?

– Да, тихо, – неожиданно согласился Старовойтов и с пьяной размашистостью прижал указательный палец к губам, едва не уронив при этом сумку.

Рыбин с некоторым усилием отвел от этой сумки взгляд. Сколько же там может быть? Пять тысяч? Десять? Или... или больше? Словно угадав его мысли, Старовойтов пьяно ухмыльнулся и задвинул сумку подальше за спину, продолжая прижимать палец к губам.

– Тс-с-с-с! Военная тайна! Я собирал помидоры для честного труженика Востока Ахмета Долмаева. Оч-чень честного! Он фермер, понял? Помидорный фермер.

– Хороню, что не хреновый, – заметил Рыбин, которого тоже основательно штормило, причем качка усиливалась с каждой минутой. «Что же я Лариске скажу? – подумал он. – Черт меня дернул пиво с водкой мешать. Да еще в таких количествах...»

– Не, – авторитетно заявил Старовойтов, – ни хрена не хреновый. Очень даже помидорный. А в помидорах у него знаешь что? В огороде, а?

– Нужник, – высказал Рыбин предположение, навеянное его собственными потребностями.

– Почти, – доверительно сказал Старовойтов. – Почти похоже. Нефтяная скважина, понял? Оба-на! Живые бабки. Так что своим – ик! – работникам он платит за-ши-бись. Я, например, за два месяца снял восемнадцать тысяч, потому что хороню работал. Вообще-то, я рассчитывал минимум на пятьдесят, но один хреновый колорадский жук высадил мне глаз. Я его, понимаешь, дустом, а он мне прямо в глаз... из «ПКТ», сучара!

«Восемнадцать, – подумал Рыбин. – Мать твою, восемнадцать тысяч баксов!» Он живо представил, как заманивает ничего не соображающего Старовойтова в темную глубину дворов, тихо приканчивает и завладевает вожделенной сумкой. Его пьяному мозгу эта идея показалась просто замечательной, а главное, высокоморальной. Ведь этот подлец стрелял в своих, в русских! А теперь приехал и хвастается. Еще и агитирует: езжай, мол, заработай. Мне глаз выбили, а тебе, глядишь, и вовсе башку оторвут. А зачем куда-то ехать, если денежки – вот они? Пусть дураки ездят, а умный человек с университетским образованием всегда найдет способ заработать, не покидая Москвы...

Мысль о собственном университетском образовании слегка охладила его пыл. Пьяный, одноглазый, усталый, да хотя бы и полумертвый, Старовойтов был гораздо сильнее, чем он, и кулаками работал похлеще, чем лошадь копытами. Попадет разок промеж глаз, и можно обуваться в светлую обувь. Хоть бы ножик был, что ли...

В затуманенном алкоголем мозгу молнией сверкнула новая идея: напоить приятеля до полного бесчувствия, забрать сумку и тихо слинять. Даже если он вспомнит, с кем накануне так нажрался, можно будет прикинуться диванным валиком: ничего не знаю, сам не помню, как домой добрался. Какие деньги? У тебя что, были деньги?

– Слушай, Серега, – даже не успев додумать эту мысль до конца, сказал Рыбин, – что-то мне... Что-то стало холодать.

– Не пора ли нам поддаться?! – радостно взревел Старовойтов и вдруг пьяно замотал головой. – Нет, Алеха, я пас. Я свою норму знаю. Мне еще разок приложиться – и хана. И бабки потеряю, и делов наворочу. Рыло кому-нибудь разрисую, и вообще... Нет, хватит. Где это мы, а?

– В Караганде, – притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, заявил Рыбин. Внезапная рассудительность приятеля привела его в тихое бешенство. За те две или три минуты, в течение которых он обдумывал свой план, Алексей уже привык считать деньги Старовойтова своими, и теперь расставаться с ними было мучительно трудно. – Ты что, Серый? Это у меня жена – гестаповка, так я и то не боюсь. А ты-то! Ты-то у нас – орел, беркут, едрена мать! Мужик! Нет, если тебе денег жалко, так я угощаю. Я ради друга в огонь пойду, не то что в шалман за водярой... Ведь мы ж с тобой кореша до гроба, морда ты бородастая! Армию помнишь? Сержанта нашего помнишь?

Старовойтов расплылся в пьяной улыбке и, мыча что-то нечленораздельное, но явно расстроганное, повис у Рыбина на шее. Вес у него был как у откормленного буйвола, и не готовый к подобным проявлениям нежности Рыбин слегка присел, кряхтя и постанывая от натуги. Глядя через плечо Старовойтова, он увидел, как от стены ближайшего дома отделилась какая-то темная фигура и в три широких шага очутилась рядом. Он испугался, решив, что это милиционер, который слышал излияния одноглазого снайпера, но на подошедшем не было формы. Тем не менее в том, как быстро и целеустремленно этот человек приблизился к ним, чудилась какая-то смутная угроза, и Рыбин напрягся, пытаясь оттолкнуть от себя бормочущего и лезущего целоваться Старовойтова.

Незнакомец подошел вплотную, словно намеревался тоже немного пообниматься. Алексей ждал, что тот заговорит или, на худой конец, попытается отнять драгоценную сумку Старовойтова, но вместо слов раздался резкий приглушенный хлопок, словно где-то рядом негромко ударили в ладоши. Старовойтов как-то странно подпрыгнул, словно получив удар электрическим током, и снова повис на шее у Рыбина, с внезапной силой вцепившись скрюченными пальцами в его плечи. Резкий хлопок повторился, Старовойтов опять подпрыгнул, издав странный рыдающий звук. Только теперь Алексей в полной мере ощутил на себе его огромный вес. Ему показалось, что он пытается удержать поваленный бурей трехсотлетний дуб. Это была какая-то ненормальная, неживая тяжесть, словно Старовойтов вдруг превратился в неодушевленный предмет.

В мозгу у Рыбина, казалось, кто-то запалил килограмм магния. Беззвучная ослепительная вспышка мигом разогнала алкогольный дурман, и в холодном свете этого внезапного озарения Алексей наконец понял, что происходит. Он понял, что Старовойтова убивают, в тот самый момент, когда раздался третий выстрел. Одноглазый наемник содрогнулся в последний раз, когда пуля сорок пятого калибра перебила ему позвоночник. Его пальцы разжались, руки бессильно соскользнули с плеч Рыбина. Голова упала, из уголка рта показалась тонкая струйка крови, казавшаяся в свете фонарей совсем черной.

Рыбин продолжал держать на весу мертвое тело, бессознательно используя его в качестве щита и понимая, что это его не спасет. Теперь, по всем законам жанра, убийца должен был убрать единственного свидетеля. Рыбин понял, что сейчас завизжит от животного ужаса. Он почувствовал в низу живота какое-то острое, почти приятное ощущение, а в следующее мгновение по его ногам обильно потекла горячая жидкость. «Ну вот, – метнулась в мозгу дикая мысль, – о туалете можно больше не беспокоиться».

Убийца отступил на шаг, держа в опущенной руке тускло поблескивающий пистолет с непривычно длинным и толстым стволом. «Глушитель», – понял Рыбин. Он хотел крикнуть, но не смог: горло словно сдавило петлей, он не мог ни вдохнуть ни выдохнуть. Сердце билось через раз и, казалось, готово было остановиться.

– Дураки ошибаются для того, чтобы умные учились на их ошибках, – сказал человек с пистолетом. – Надеюсь, что дураков здесь больше не осталось.

Рыбин кивнул. Сейчас он согласился бы с чем угодно, но в одном убийца был прав: если у Алексея и возникло на какой-то миг желание прогуляться по окрестностям Грозного со снайперской винтовкой наперевес, то теперь от него не осталось и следа. К черту, какие еще деньги?!

Незнакомец убрал пистолет, развернулся на каблуках и неторопливым шагом двинулся в сторону Краснопрудной. Рыбин разжал наконец онемевшие от тяжести руки, и тело Старовойтова глухо ударилось об асфальт. Алексей стоял, уверенный, что вот сейчас убийца обернется и всадит в него все, что осталось в обойме пистолета, но тот все так же спокойно дошел до угла и повернул налево, к Каланчевской площади.

Рыбин сообразил, что все еще стоит над мертвым телом в десятке метров от фонаря, в самом центре Москвы, с трясущимися окровавленными руками и в обмоченных джинсах. Он вспомнил стоявший совсем неподалеку «луноход», и в его голове вихрем закружились противоречивые мысли. Убийца, не скрываясь, шел прямо к милицейской машине. Стоит выскочить из переулка и заорать, и... И что, собственно? Старовойтов оживет? Или его, Алексея Рыбина, наградят медалью? Или, может быть, его затаскают по допросам, а дружки киллера шлепнут его так же, как Старовойтова? А денежки поделят между собой предприимчивые московские менты...

Рыбин тряхнул головой, словно отгоняя сон. О чем это он думает? Деньги! Восемнадцать, черт бы их побрал, тысяч! Не он ли пять минут назад собирался пришить приятеля, чтобы завладеть этими деньгами? Так чего же он ждет?

Через несколько секунд в Краснопрудном переулке стало пусто и тихо, лишь назойливо жужжала, готовясь перегореть, лампа в фонаре, в нескольких метрах от которого, остывая, лежало тело одноглазого наемника.

* * *

Войдя в купе, Глеб раздраженно швырнул на откидной столик свою тощую сумку и с грохотом закрыл за собой дверь. Висевший в кобуре под мышкой кольт отчетливо вонял пороховой гарью, что особенно остро ощущалось в замкнутом пространстве купе, где витали приятные запахи чистого белья и искусственной кожи. Глеб попытался сообразить, можно ли достать у проводников немного машинного масла – говорить об оружии, конечно же, было бы просто смешно. Он представил себе, как будет удивлен проводник, когда пассажир обратится к нему с такой необычной просьбой, и решил, что повременит с чисткой оружия до более подходящего случая. Проводники – народ дошлый, сообразительный. Пассажир, настолько стремящийся к уединению, что готов переплатить вдвое, лишь бы остаться в купе одному, подозрителен сам по себе. А если еще попросить машинного масла, то ночной визит в купе парочки хмурых милиционеров, можно сказать, обеспечен.

В купе было тепло. Слепой опустил до самого низа светонепроницаемую штору на окне, закрыл дверь на защелку и разделся, спрятав кобуру с пистолетом под подушку. Покончив с этим делом, он снова отпер дверь и уселся на постель у зашторенного окна как раз в тот момент, когда поезд мягко, почти неощутимо тронулся с места и поплыл вдоль перрона. Глеб расслабленно откинулся на спинку сиденья, мало-помалу успокаиваясь. Раздражение, вызванное собственной выходкой, которая теперь казалась ему обыкновенным мальчишеством, стало проходить. Конечно, имея на руках важное задание, не стоило отвлекаться на такие мелочи, как самосуд над наемником, стрелявшим в своих, но что сделано, то сделано. И разве не делался воздух Москвы чуточку чище после того, как очередной мерзавец перестал дышать?

В дверь купе постучали. Глеб не успел даже открыть рот, чтобы крикнуть «войдите», а дверь уже откатилась в сторону, погромыхивая роликами по дюралевоу желобу, и в образовавшемся проеме появился проводник. Глеб отдал ему билеты, отказался от предложенного чая и поинтересовался, работает ли вагон-ресторан. Выяснилось, что это заведение будет функционировать еще в течение часа, чтобы все, кто не успел поужинать дома, могли дозаправиться на ночь. Глеб решил, что с полным правом может причислить себя к упомянутой категории граждан, поскольку за дневными хлопотами не успел не только поужинать, но и пообедать.

Когда проводник ушел, он спрятал пистолет за пояс, прикрыв его сверху свитером, и, захлопнув дверь купе, двинулся в путь. Вагон-ресторан располагался в середине состава, и, пройдя через три вагона, Глеб очутился на месте.

Здесь, как и во всех подобных заведениях, сильно пахло выхолощенной, абсолютно безликой дорожной кухней, а по углам скромно пряталась грязь. Скатерть, которой был накрыт столик Слепого, оказалась жесткой от крахмала, но при этом покрытой какими-то застиранными пятнами неприятного желтоватого оттенка. Глеб отодвинул в сторону вазочку зеленого стекла с пыльными искусственными цветами и принялся изучать меню, под копирку отпечатанное на машинке. Это был короткий и довольно печальный документ, способный возбудить что угодно, кроме аппетита. Тем не менее поесть все-таки следовало, тем более что Слепой чувствовал: это была одна из немногих оставшихся у него возможностей поесть более или менее по-человечески. Завтра он пообедает в Пятигорске, а потом его будут ждать места, где общепит давным-давно перестал функционировать, так же как и многое другое.

Небритый официант в грязноватой белой куртке принял у него заказ и удалился, шаркая подошвами по вытертой до нитяной основы ковровой дорожке. Вид у него при этом был такой, словно возвращаться он не собирался. Глеб расположился поудобнее и стал ждать, от нечего делать разглядывая людей за соседними столиками. Это было занятие, которое ему никогда не надоедало.

Напротив него двое мужчин, выглядевшие как классические командированные, охмурили двоих же девиц, которые, судя по их одежде и манерам, были обыкновенными челноками. Стол украшали бутылка водки и две бутылки шампанского при нехитрой закуске, состоявшей из пары шоколадок и вазочки с апельсинами. Командировочные усердно спаивали потенциальных партнеров, не забывая подливать себе, и Глеб с трудом сдержал улыбку: кавалеры старались напрасно, поскольку дамы и так были не против. Немного дальше сидел военный в майорских погонах, хмуро ковырявшийся вилок в тарелке сильно пережаренного картофеля. Его загорелая лысина поблескивала в свете люминесцентных ламп, словно ее натерли маслом и хорошенько отполировали бархоткой. Майорские челюсти двигались с механической размеренностью, перемалывая неудобоваримый железнодорожный бифштекс. Чтобы дело шло легче, майор время от времени подносил к губам наполненный водкой фужер и запивал еду мелкими глотками, даже не морщась, словно в фужере была минеральная вода. Лицо у него было усталое, а свет люминесцентных ламп придавал его коже нездоровый землистый оттенок.

Еще дальше сидели трое молодых людей, которые, по мнению Глеба, здорово смахивали на железнодорожных шулеров. Они что-то негромко, но очень оживленно обсуждали,

все время стреляя по сторонам глазами и время от времени впадая в буйное веселье. Пили они мало и держались как завсегдатаи, если можно говорить о завсегдатаях в железнодорожном вагоне-ресторане. Это обстоятельство служило лишним доказательством предположения Глеба: ребята наверняка проводили большую часть своего времени на колесах, обирая доверчивых лохов. Сидевший через проход от них носатый армянин в костюме с металлическим отливом и тяжелых золотых часах старательно отводил взгляд от этой веселой компании. Выражение его смуглого лица свидетельствовало о том, что он, как и Глеб, с первого взгляда раскусил своих попутчиков и не желал иметь с ними никаких дел. Молодые люди правильно расценили его поведение и не делали никаких попыток вступить с ним в контакт – возможно, просто потому, что вагон-ресторан был чем-то вроде нейтральной территории.

Глебу наконец принесли его заказ: все тот же жареный картофель и бифштекс с яйцом, выглядевший так, словно его не первый год возили по маршруту Москва – Пятигорск, периодически подавая клиентам. Глеб взял вилку и с некоторой опаской пошевелил ею горку нарезанного соломкой картофеля. Раздался сухой стук, словно вместо картошки в тарелке лежала кучка деревянных палочек. Глеб поднял глаза и успел заметить, как лысый майор прячет сочувственную ухмылку и снова опускает глаза в свою тарелку: для него сражение с железнодорожной снедью уже завершилось, чему Слепой мог только позавидовать.

Он только-только начал резать бифштекс, когда в вагон-ресторан вошел очередной клиент. Это была молодая женщина лет двадцати пяти с плоской фигурой топ-модели и длинными светло-русыми волосами, по-простецки собранными в конский хвост на затылке. Одетая она была тоже просто, по-дорожному, но что-то в ее облике заставило Глеба подумать, что перед ним иностранка. На плече у девушки висела дорожная сумка, поверх которой лежала свернутая подкладкой наружу куртка. «Омниа меа мекум порто, – иронически подумал Глеб, возвращаясь к перепиливанию бифштекса, – все мое ношу с собой. Наверное, не впервые в наших краях. А может быть, ей просто кто-нибудь объяснил, что в здешних поездах все ценное лучше держать под рукой – на всякий случай, чтобы не вводить людей в искушение. В таком случае этот доброхот мог бы намекнуть, что ужинать в вагоне-ресторане – не лучшая идея для иностранца. Как говорится, что русскому здорово, то немцу смерть.»

Сражаясь с бифштексом, Глеб невольно задумался над тем, что заставило его заподозрить в новой посетительнице этой забегаловки на колесах иностранку. Одежда? Да, одежда на ней была добротной, но ведь в последние десять-пятнадцать лет и наши люди научились одеваться не хуже, а порой и лучше западных гостей. Манера держать себя, выражение лица? Может быть, да, а может быть, и нет. Было очень трудно с уверенностью утверждать что бы то ни было, особенно пока девица молчала, но вся она была словно упакована в невидимую, но абсолютно непроницаемую для грязи и микробов полиэтиленовую пленку, служившую для нее самой лучшей визитной карточкой. Пожалуй, наледи она на лоб картинку с изображением американского или, скажем, шведского флага, впечатление не было бы более мощным и определенным.

Отправив в рот первый кусочек мяса и немедленно пожалев об этом, Глеб между делом задался весьма любопытным вопросом: что могло понадобиться иностранке в этом поезде? В последнее время подданные иностранных держав следовали в направлении юга России только в сопровождении вооруженного эскорта, с головы до ног увешанные голубыми ооновскими флагами и едва ли не опутанные колючей проволокой. Или он все же ошибся, и девица была коренной россиянкой, отправившейся навестить больную тетку?

Девушка с увесистой дорожной сумкой села за свободный столик неподалеку от носатого армянина и его шумных соседей и попросила у набежавшего официанта бутылку минеральной воды и бутерброд. Говорила она по-русски, но с таким акцентом, что Глеб с некоторым трудом сохранил безразличное выражение лица. Теперь можно было не сомневаться в том, что девица совсем недавно прибыла в Россию из какой-то англоязычной страны. Туристка? «Ну, знаете

ли, – мысленно сказал Глеб, обращаясь неизвестно к кому. – Во времена дорогого и любимого Иосифа Виссарионовича таких туристов называли шпионами и отправляли в Сибирь, валить лес. Ничего себе туризм! А вот возьмут тебя одной рукой за твои фирменные слаксы, а другой – за твой роскошный конский хвост, засунут в вонючий подвал, дадут понюхать пистолетный ствол... Что тогда скажет богатый дядюшка, подаривший тебе тур в экзотическую Россию? Английский язык, между прочим, по части крепких выражений ничуть не беднее русского, но ты, девочка, будешь очень счастлива, если тебе повезет услышать, как ругается твой богатый дядюшка.»

Глеб поморщился, отрезая очередной кусочек бифштекса. Какое, в конце концов, ему дело до причуд богатой иностранки? Все-таки прав был юморист, сказавший, что у западных людей не все в порядке с головой. Да лучшей добычи для какого-нибудь промышляющего киднеппингом бородача просто не найти, и любой нормальный человек не может этого не понимать. Ну вот куда, спрашивается, она лезет? Вот, полюбуйте, уже начинается...

Молодые люди, которых Глеб принял за шулеров, при появлении иностранки заметно оживились. О чем-то пошушукавшись, они беспокойно задвигались, выбираясь из-за стола. Двое двинулись к вновь прибывшей, причем один из них, широко улыбаясь, держал перед собой прихваченный со своего столика букетик искусственных цветов. Третий остался на месте, искоса наблюдая за развитием событий. Глеб слегка напрягся и тут же расслабился, дав себе торжественную клятву ни во что не вступать и думать только о предстоящей работе. Какое ему дело до какой-то иностранки? Не убьют же ее, в конце-то концов. Так, пощиплют немного, чтобы смогла в полной мере оценить национальный колорит. После этого, конечно, ей придется вернуться в Москву и, рыдая, бежать в родное посольство, чтобы ее как-нибудь отправили домой. «Не самый худший из возможных вариантов», – решил Глеб, наполняя фужер минеральной водой и поднося его к губам. Ему было немного жаль девицу с конским хвостом, но она сама напрашивалась на неприятности.

Он посмотрел в окно, но там стояла крошечная темень, лишь вдаль, у самого горизонта, неторопливо проплыла цепочка белых огоньков, обозначающая главную улицу какого-то поселка, а может быть, просто дорогу к ферме. Эта цепочка была похожа на ряд дырочек, проколотых в черном бархатном занавесе ночи швейной машинкой без нитки. Глеб подумал, что это напоминало бы след от автоматной очереди, не будь цепочка такой ровной.

Огоньки скрылись за левым краем оконной рамы, и теперь на черном экране окна можно было разглядеть только смутное, слегка двоящееся отражение внутренности вагона-ресторана. Стекло в окне было двойным, и отражения накладывались друг на друга, как в стереофильме, когда пытаешься смотреть его без специальных очков. Глеб увидел, как двое молодых людей, оживленно жестикулируя, заходили на посадку возле столика иностранки. Третий, насколько можно было судить по отражению в оконном стекле, старательно делал вид, что смотрит в сторону.

Глеб отвернулся от окна – все-таки тени на стекле по качеству изображения значительно уступали оригиналу. Он не хотел прислушиваться к происходившему за столиком иностранки разговору, но в тесном пространстве вагона-ресторана он поневоле слышал каждое слово. Разговор был абсолютно пустым – обыкновенное грубое заигрывание, которое Ирина Быстрицкая, помнится, называла конским флиртом. Иностранка пыталась вежливо отклонить авансы молодых людей, но не казалась напуганной – вероятно, в ее мозгу просто не укладывалась мысль, что здесь, в ярко освещенном салоне, при множестве свидетелей мужского пола, она может подвергнуться какой-нибудь опасности. «Совсем недавно в России, – подумал Глеб, краем глаза наблюдая за тем, как один из молодых людей, не переставая расточать комплименты, левой ногой по миллиметру выдвигал из-под стола принадлежавшую иностранке сумку. – Всю сознательную жизнь изучала русский язык и вот наконец решила использовать свои знания на прак-

тике. Они ей, несомненно, пригодятся, когда она будет давать показания в транспортной милиции.»

Он огляделся. Носатый армянин пил боржом, хмуро глядя в окно. Веселые командированные, прихватив своих спутниц и недопитую бутылку водки, уже покинули ресторан, а лысый майор старательно доедал похожую на сухой хворост, сильно пересоленную картошку, гоняя ее вилкой по тарелке с самым сосредоточенным видом. Молодой человек, который остался за своим столиком, демонстративно зевнул, потянулся, вынул из пачки сигарету и, вертя ее в пальцах, неторопливо выбрался из-за стола. На какое-то мгновение его водянистые зеленоватые глаза встретились с глазами Глеба. Слепой поспешно отвел взгляд, и молодой человек расплылся в наглой ухмылке. Глеб подумал, что ошибся: возможно, эти трое действительно промышляли картами, но только тогда, когда под руку не подворачивалось чего-нибудь более прибыльного.

«Специалисты широкого профиля, – решил он. – Романтики с большой дороги. Вот ведь артисты!»

Ребята действительно были артистами. Иностранка на глазах таяла под градом комплиментов, шуток и обещаний показать все самое интересное в Пятигорске, а ее сумка тем временем перекечевала из-под стола в проход. Один из молодых людей затеял показывать карточные фокусы. Парень, стоявший в проходе, повел плечами, словно они у него затекли, и неторопливо двинулся к выходу, по дороге словно невзначай прихватив стоявшую в проходе сумку. Это было сделано так легко и непринужденно, что, не наблюдая Глеб за процессом с самого начала, он ничего бы не заметил. Он услышал немного нервный смех иностранки и воркующий баритон одного из ее ухажеров и заметил, как лысый майор стрельнул взглядом в сторону парня, уходившего с краденой сумкой, а потом снова уткнулся взглядом в тарелку. Майор тоже все понял, но, судя по его поведению, не собирался ничего предпринимать. Носатый армянин продолжал всматриваться в темноту за окном, словно там было что-то интересное. Массивный браслет его золотых часов тускло поблескивал, отражая свет люминесцентных ламп.

Глеб положил нож и вилку и начал неуклюже выбираться из-за стола как раз в тот момент, когда уносивший сумку молодой человек поравнялся с ним. Парень попытался проскочить мимо, повернувшись боком, но тут поезд качнуло на стыке, Глеб потерял равновесие и вцепился в чемоданного вора, словно пытаясь с его помощью устоять на ногах.

– Извиняюсь, – сказал он. – Штормит.

– Бывает, – с оттенком пренебрежения откликнулся молодой человек и попытался освободиться. Глеб держался за него мертвой хваткой. – Ну, что такое? Совсем окосел?

– Пардон, – еще раз извинился Глеб. – Сумочку вашу я не повредил? Что у вас там? Шпильки, помада?

– Чего? – парень бросил быстрый взгляд через плечо Глеба на своих приятелей. – Ты чего, козел, совсем охренел? Жить надоело, придурок?

– Ох, надоело, – со вздохом сказал Глеб. – Ну что это за жизнь? Куда ни глянь, везде воруют. И все крутые, как вареное яйцо. Втроем одной бабы не боятся. Сумку верни и ступай себе с богом. Я ясно излагаю?

Позади раздался изумленный возглас иностранки, и в следующее мгновение на плечо Глеба легла чья-то ладонь. Он покосился на нее, чтобы избежать ошибки, увидел безвкусный массивный перстень на безымянном пальце и грязноватые длинные ногти и, не оборачиваясь, двинул назад локтем – сначала по прямой, в живот, а потом еще раз, резко вскинув локоть на уровень плеча, так что сложившийся пополам противник получил сокрушительный удар в подбородок. У него за спиной послышался сдавленный вопль и шум падения.

Он резко обернулся, чтобы встретить очередного нападающего, продолжая левой рукой сжимать правое запястье вора. Для того чтобы ударить Слепого, тому пришлось бы выпустить

из левой руки сумку, из-за которой разгорелся сыр-бор, но у Глеба сложилось совершенно определенное впечатление, что парень окончательно растерялся и плохо соображает.

Третий весельчак – тот самый, что подарил своей потенциальной жертве пыльный букетик искусственных незабудок, – видимо, обожал смотреть видеофильмы, пропагандирующие восточные единоборства. Он высоко и довольно неуклюже выбросил перед собой ногу, пародируя классический удар «маягири». Глеб поймал его за штанину и резко дернул вверх. Духовный наследник самураев и монахов Шаолиня сделал пируэт в воздухе и с треском приложился затылком к полу. Глебу даже почудилось, что этот звук сопровождался вспышкой молнии, но это, конечно, была иллюзия, хотя и довольно странная.

Его пленник наконец принял решение и, выпустив вожделенную сумку, перешел в наступление, действуя свободной рукой и коленями. Драться он умел гораздо хуже, чем воровать, да и печальная участь товарищей основательно подорвала его боевой дух, так что все закончилось очень быстро и прозаично: Глеб попросту ударил воришку кулаком в нос и отпустил его запястье, чтобы не мешать бедняге падать. В тот момент, когда кулак Слепого соприкоснулся с носом грабителя, снова полыхнула беззвучная бело-голубая молния, заставив Глеба зажмуриться. Однако на этот раз он успел засечь яркую вспышку, остаточное изображение которой теперь мерцало перед его зажмуренными глазами фосфоресцирующим, постепенно меняющим окраску пятном. «Вот зараза, – подумал он об иностранке. – Надо же, не растерялась. Если фотографии выйдут удачными, картинки получатся еще те. О художественных достоинствах можно будет поспорить, зато динамики хоть отбавляй. И подпись под снимком: „Русские гангстеры убивают друг друга, стремясь завладеть ручным багажом нашего корреспондента“. Вот это прокол. Такого со мной, пожалуй, еще не бывало».

В его левую штанину мертвой хваткой вцепились чьи-то скрюченные пальцы. Глеб ударил одного из веселых молодых людей, который уже не был таким веселым и даже, казалось, постарел лет на пятнадцать, коленом в лицо, и тот вернулся на пол, выпустив штанину. Теперь Слепой стоял лицом к иностранке, которая озабоченно склонилась над своим фотоаппаратом. Он легонько вздохнул: в руках у девушки была не дешевенькая автоматическая «мыльница», а большой, тяжелый профессиональный «никон» со вспышкой. Это был очень хороший аппарат, требовавший умелого обращения, что почти полностью исключало возможность того, что иностранка окажется простой туристкой. И потом, туристы – существа стадные, повсюду следующие за гидом, как коровы за пастухом, а эта странствовала в одиночку и, судя по выражению лица, была в полном восторге от событий, которые любого законопослушного туриста привели бы в состояние, близкое к истерике.

Глеб наклонился и поднял увесистую сумку, пытаясь сообразить, как ему теперь поступить. В голове у него при этом все время крутился старый афоризм, гласивший, что добрые дела наказуемы. Кой черт, спрашивается, дернул его ввязаться в эту историю? Не умерла бы она без своей сумки, даже если в ней миллион. А теперь – пожалуйста, фотографии. Снимок на память: Слепой на задании. Малахов думает, что его агент уже где-то рядом с пунктом назначения, а он, оказывается, позирует перед объективом. Вот что теперь делать? Отобрать у нее пленку? Это визг, возмущенные вопли, угрозы... Еще, чего доброго, царапаться станет. Когда сумку крали, небось не царапалась.

А с другой стороны, – ну и что? Ну щелкнула. Ну возможно, даже опубликует это где-нибудь. Что это изменит? Кто-то где-то пролистает журнальчик и лишний раз убедится в том, что в России есть люди, способные дать кому-то в морду. Тоже мне, открытие. Не на работе же она меня сфотографировала, не во время очередной ликвидации. Конечно, если эти снимки когда-нибудь попадут на глаза Малахову, тот будет недоволен. Что, скажет, в топ-модели решил записаться? Пусть поворчит. В данный момент гораздо важнее не привлекать к себе лишнего внимания.

«Вот артист, – подумал Глеб о себе самом. – Не привлекать внимания! Драка в ресторане, конечно, наилучший способ остаться в тени. Ну хватит! Что сделано, то сделано. Надо кончать с этим поскорее и отправляться спать.»

Он протянул девушке ее сумку, стараясь не слишком хмуриться.

– Большое спасибо, – сказала она.

У нее был совершенно варварский акцент и неправдоподобно синие глаза – именно синие, а не голубовато-серые. Такие глаза Глеб до сих пор видел только на картинах да еще по телевизору, когда барахлила цветоустановка. «Контактные линзы, – понял он. – Я слышал, их иногда делают цветными. Прогресс!»

– Не за что, – сказал он. – Вы, конечно, не согласитесь засветить пленку?

– Это не есть возможно. Вы ответить мне на мой вопросы? Совсем немножко. Я платить!

– Это не есть возможно, – безо всякого удовольствия передразнил ее Глеб, сунул остолбенело стоявшему поодаль официанту несколько мятых купюр и повернулся к иностранке спиной.

Она еще раз окликнула его, когда он, перешагнув через копошившихся в проходе грабителей, направился к выходу. Глеб не обернулся, чувствуя, что на сегодня с него хватит. Он не имел опыта общения с журналистами, если не считать того случая, когда ему пришлось застрелить корреспондента радио «Свобода» на охоте, но знал, что с этим народом надо держать ухо востро. В его положении с ними было лучше всего не общаться вовсе, а синеглазая девица, судя по всему, была именно журналисткой.

Ложась спать у себя в купе, он почему-то вспомнил ее руки – тонкие, красиво очерченные, с длинными, гибкими пальцами и короткими, но тщательно ухоженными ногтями. На среднем пальце правой руки было кольцо, которое показалось Глебу оловянным. Впрочем, вполне возможно, это было серебро. «Красивые руки», – подумал Глеб, мысленно обозвал себя старым донжуаном, очистил мозг от всего постороннего и заснул.

Уже под утро он проснулся и рывком сел на постели, чувствуя, как стекает по вискам холодный пот и не понимая, что его разбудило. Мягкий вагон спал, в коридоре стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь грохотом колес и поскрипыванием трущихся друг о друга листов обшивки. Глеб попытался припомнить, что ему снилось перед пробуждением, – возможно, его опять начали преследовать кошмары. Так ничего и не вспомнив, он посмотрел на часы. Было самое начало пятого – глухое время, когда большинство людей спит каменным сном без сновидений. Глеб пожал плечами и опустил голову на подушку, не зная, что минуту назад самолет, на котором он должен был лететь, взорвался в воздухе и по частям рухнул на колхозное поле под Воронежем.

Глава 5

Старший прапорщик Славин откинул брезентовый полог и вышел во двор, совсем недавно очищенный от горелых кирпичей и прочего хлама, теперь сваленного грудой в дальнем углу – там, где когда-то, судя по всему, стоял хлев. Или это была овчарня? На такие подробности Олег Ильич Славин хотел плевать с высокой колокольни, поскольку был, по его же собственным словам, потомственным пролетарием, родился и вырос в Питере и с детства ошивался у отца на Кировском заводе, который многие старые рабочие, к каковым относился и отец Олега Ильича, с затаенной гордостью именовали Путиловским. Родитель Олега Ильича, потомственный рабочий Илья Петрович Славин, спал и видел, как сын займет его место в кабине козлового крана. Юный Славин, которому, в принципе, было наплевать, чем заниматься, до призыва в армию успел закончить курсы крановщиков, сдать экзамены и получить допуск. Его ждало наследственное место в литейном цехе, но тут пришла повестка, и козловый кран продолжал со звоном и грохотом рассекать густые клубы ядовитого дыма без Олега Ильича, чему последний втайне был несказанно рад: ему не улыбалась перспектива всю жизнь глотать летавшую под крышей литейки дрянь и по часу сморкаться копотью, стоя в душе после работы.

Из армии он не вернулся, в начале второго года службы поступив в школу прапорщиков. Отец прислал ему гневное письмо, на которое курсант Славин ответил в том смысле, что рабочая гордость – это, конечно, хорошо, но рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. После этого они не переписывались год, и, лишь приехав в отпуск, уже в новеньких погонах с двумя звездочками, свежееиспеченный прапорщик Славин кое-как помирился со стариком, выпив за компанию с ним почти четыре литра водки.

Так или иначе, отличить сарай от конюшни старший прапорщик Славин не смог бы, даже будь сооружение цело и невредимо, а уж распознать назначение хибары, превращенной прямым попаданием тяжелого снаряда в груды битого кирпича и расщепленных балок, было ему и вовсе не под силу.

За спиной у старшего прапорщика стоял дом, где, собственно, и располагалось его хозяйство. Дому тоже изрядно досталось, все до единого стекла были выбиты близким взрывом, стену исковеркало осколками, а крыша целиком съехала набок, как пилотка у какого-нибудь неуставного ухаря, но это все-таки был дом, а не опостылевшая палатка. Славин привычно подумал, что надо бы где-нибудь украсть и навесить входную дверь, а потом так же привычно махнул рукой: возможно, они простоят здесь год, а может быть, приказ о передислокации поступит завтра, так что нечего суетиться. Тем более, лето скоро.

Подумав о приближающемся лете, старший прапорщик недовольно повел длинным и толстым, как недоразвитый слоновый хобот, носом. Его и так повсюду преследовал несильный, но устойчивый запах. Пока что запах этот был скорее воображаемым, но к лету, когда «зеленка» покроется листвой, количество «клиентов» резко возрастет, а щедрое местное солнце довершит дело, едва уловимый душок превратится в густую вонь, от которой нигде не скроешься.

Славин принялся с недовольным видом хлопывать большими ладонями свое объемистое брюхо, начинавшееся, казалось, прямо от шеи, нащупывая в многочисленных карманах «афганки» сигареты. Матерчатые полевые погоны с тремя облупившимися звездочками казались на его широченных покатых плечах совсем маленькими, а увесистая потертая кобура на мясистом бедре выглядела игрушечной.

Откуда-то донесся нарастающий басовитый клетот, и над поселком, держа курс прямоком на закат, прошло, возвращаясь с боевого вылета, звено «вертушек». Вечернее солнце сверкало на их лопастях кровавыми вспышками, стекла кабин горели оранжевым пламенем, словно на всех вертолетах одновременно случился пожар. Старший прапорщик проводил вертолеты

одобрительным взглядом, попытавшись, но так и не успев разглядеть, на месте ли ракеты, и наконец закурил, выпустив вслед «вертушкам» длинную струю дыма. Где-то далеко ухала артиллерия, расковыривая очередной аул. «Чего их ковырять, – лениво подумал старший прапорщик Славин, прислушиваясь к отдаленной канонаде. – Сровнять, на хрен, с землей, и заасфальтировать вместе с ихними хваленными горами и шашлыками. Ей-богу, дешевле обойдется.»

Потом по улице, натужно рыча двигателями и с плеском разбрызгивая жидкую грязь, прокатился БТР. Поверх забора Славин разглядел только пятнистую грязную башню и сидевших на броне солдат – судя по нашивкам, омоновцев. Один из них помахал старшему прапорщику рукой и, надсаживаясь, проорал что-то, чего Олег Ильич все равно не разобрал за ревом двигателей. Славин скорчил пренебрежительную гримасу: эмведешников он не жаловал, и то, что этим рыцарям резиновой дубинки приходилось теперь, рискуя жизнями, отрабатывать свой хлеб не на разгоне безоружных демонстрантов, а здесь, под пулями, вызывало у него чувство, близкое к обыкновенному злорадству.

– Козлы, – послышалось с той стороны, где стоял уцелевший гараж.

Гараж был большой, кирпичный, с очень удобной асфальтированной дорожкой перед широкими железными воротами. При желании в этот гараж можно было загнать тентованную фуру, но теперь помещение, из-за которого, собственно, старший прапорщик Славин и выбрал этот дом для размещения своего хозяйства, использовалось в качестве склада. При складе, как водится, имелся кладовщик – круглоголовый, костлявый и тщедушный, но хитрый, как черт, контрактник по фамилии Гуняев.

Сейчас Гуняев сидел у задней стены гаража, греясь на закатном солнышке. Все, что можно расстегнуть, не рискуя потерять штаны, на нем было расстегнуто, из-под пятнистой «афганки» выглядывал засаленный десантный тельник в голубую полоску, автомата нигде не было видно, а со слюнявой, вечно оттопыренной нижней губы свисал тлеющий чинарик. Беспokoйные поросычьи глазки Гуняева были прищурены то ли от избытка хитрости, то ли из-за бьющего в них низкого солнца, и от этого все его рябое лицо казалось сморщенным как печеное яблоко, если только бывают на свете небритые яблоки.

– Козлы, – повторил Гуняев, неторопливо отлепил от губы окурочек и длинно сплюнул в грязь. – Они, слышь, Ильич, вчера винный погреб нашли, падлы. Поделитесь, говорю, будьте людьми. Куда вам, в натуре, столько? А они мне, слышь, втирают: да нет там, типа, ни хрена, укус один... А сами с утрянки все в стельку. Так на зачистку бухие и пошли.

– Значит, будут клиенты, – довольно равнодушно откликнулся Славин, шурясь на солнце.

– Запарили эти клиенты, – скривился Гуняев, глубоко затягиваясь своим чинариком. – И что это за служба у нас с тобой, Ильич?

– Не нравится – пиши рапорт, – все так же равнодушно ответил Славин, тоже затягиваясь сигаретой. – На твое место десяток желающих найдется. А ты, блин, порезвишься. Погреб винные поищешь, на зачистки походишь. Медаль, елы, заработаешь. «За взятие Аргунского ущелья».

– Да ладно тебе, Ильич, – поспешно отработал назад Гуняев. – Чего ты, в натуре? Знаем мы ихние медали. Девять граммов в сердце, вот и все ихние медали. А у меня дома жена, сын – Валеркой звать...

– Знаю, что Валеркой, – проворчал Славин. – И что ты его уже года три в глаза не видел, тоже знаю, – он фыркнул, покрутив толстым носом. – Интересный ты мужик, Гуня. Кто бы еще додумался от алиментов в Чечне прятаться?

– Да ладно, – обиделся Гуняев и, надув щеки, далеко выплюнул окурочек. – Эй, Аслан! – обрадованно заорал он, увидев появившегося во дворе чеченца, вооруженного совковой лопатой. – Почему на территории бардак? Бычки валяются, и вообще... А ну, сделай, чтоб красиво!..

Чеченец был плюгавый, худой, до глаз заросший черной с проседью щетиной, одетый в драную кожаную куртку и серые камуфляжные брюки милицейского образца. Ниже брюк красовались грязно-белые шерстяные носки и самые настоящие резиновые галоши, всегда приводившие Славина в состояние немого изумления. Галоши вызывающе сверкали сквозь слой грязи, и Олег Ильич, глядя на них, всякий раз вспоминал о том, что на дворе стоит двухтысячный год. Помнится, в свое время ему пришлось писать в школе сочинение на тему: «Каким я вижу двухтысячный год». Эта дата тогда казалась далекой, как конец света, и Олег Славин, никогда не отличавшийся полетом фантазии, написал, что в двухтысячном году все люди на земле будут жить при коммунизме, а работать станут роботы. Роботы представлялись ему в виде железных болванов с круглыми головами и шестидесятиваттными электрическими лампочками вместо глаз. Еще повсюду летали ракеты, похожие на головки артиллерийских снарядов с длинными раздвоенными хвостами.

Славин усмехнулся: насчет ракет он, пожалуй, не ошибся, только это были немного не те ракеты. Что же касается роботов и коммунизма, то тут, пожалуй, надо было подождать еще годиков тысячу, а то и все две. Вот он, робот, стоит посреди двора с лопатой под мышкой, посверкивает глубоко запавшими черными глазами, и не поймешь, что у него в башке. Хоть ты инженера вызывай, честное слово...

Считалось, что Аслан мирный и никогда не был членом, как принято выражаться, незаконных вооруженных формирований. Он имел на руках справку о том, что у него хронический гастрит и плоскостопие, все соседи в один голос утверждали, что ему неизвестно, с какой стороны у автомата приклад, а сам он охотно вызвался помогать русским. Помощи от него было как от козла молока, в гантамировские ополченцы он не годился по состоянию здоровья, и как-то само собой вышло, что Аслан прибил к хозяйству старшего прапорщика Славина – подметал, подносил, помогал Гуняеву и еще двоим подчиненным Олега Ильича грузить гробы и вообще был на подхвате. Он почти все время молчал, и Олег Ильич как-то незаметно утвердился во мнении, что у Аслана не все дома – не так чтобы очень, но все-таки не все. Время от времени ему начинало казаться, что Аслан не придурок, а, наоборот, великий хитрец – гораздо хитрее алиментщика Гуняева, но считать тихого чеченца дурачком было удобнее, и Олег Ильич успокаивался до тех пор, пока в очередной раз не ловил сумрачный, исподлобья взгляд Аслана, в котором полыхал непонятный и оттого страшноватый огонь.

Сейчас этот странный, пугающий взгляд был адресован Гуняеву, но Гуня, при всей своей хитрости не отличавшийся особым умом и тонкостью чувств, ничего не заметил.

– Давай-давай, – начальственным тоном сказал он, – отработывай пайку. По тебе, Аслан, следственный изолятор плачет, а ты сидишь тут как у Христа за пазухой и в ус не дуешь.

Аслан погасил полыхавший в глазах холодный огонь и принялся бестолково ковыряться своей неразлучной лопатой в кучах горелых кирпичей, неуклюже переступая обутыми в галоши плоскостопными ногами. Его выпирающие лопатки хаотично двигались под облупленной кожаной курткой, как поршни какого-то разладившегося механизма, лезвие лопаты громко скрежетало по кирпичам. От этого звука по спине у Славина бегали мурашки.

У исклеванной осколками стены дома стояла сколоченная хитрым Гуняевым из выдраных где-то половых досок скамейка, в данный момент ярко освещенная косыми красными лучами заходящего солнца. Славин присел на нее, задумчиво попыхивая сигаретой. Сегодня на их участке фронта никого не убили, так что работы у его команды не было. Впрочем, напомнил он себе, еще не вечер. Далеко не вечер. Настоящий вечер наступит утром, после ночного «концерта», когда вынырнувшие словно из-под земли боевики соберут с федеральных войск ежесуточную дань убитыми и ранеными и снова расползутся по своим норам. «А ты? – в который уже раз подумал старший прапорщик, глядя в согнутую спину Аслана. – Ты тоже этим развлекаешься? Ночью стреляешь, а утром помогаешь Гуне укладывать трупы в цинковые гробы

и грузить это дело сначала на машину, а потом в самолет... Вряд ли, конечно, хотя я бы не удивился, будь это так.»

Буквально позавчера омовцы обнаружили через два дома от хозяйства старшего прапорщика Славина оборудованную в подвале огневую точку. Там нашли «Калашников» без рожка и снайперскую винтовку. Подвал взорвали к чертям вместе с домом. Старший прапорщик Славин считал, что это пустая трата времени и взрывчатки, но командовал здесь не он, и это обстоятельство его вполне устраивало. Что может быть хуже, чем командовать и нести ответственность в такой дерьмовой ситуации!

Славин снова покосился на Аслана. Чеченец уже перестал ковыряться лопатой в кирпичном завале. Теперь он курил, присев на корточки и глядя себе под ноги с таким видом, словно там было что-то невероятно интересное. Сейчас он выглядел полным идиотом, но Олег Ильич вдруг ни с того ни с сего припомнил, как неделю назад нечаянно застукал Аслана за очень странным занятием: убогий чеченец о чем-то беседовал с полковником Логиновым, причем беседа, судя по их виду, шла на равных. О чем они говорили, Славин расслышать не успел, потому что, как только он вошел, собеседники замолчали и Аслан, привычно сторбившись, зашаркал своими галошами к выходу. С тех пор старшего прапорщика не оставляло неприятное подозрение, что деньги, которые время от времени передавал ему начальник тыла полковник Логинов, на самом деле идут от Аслана или кого-то, кому Аслан на самом деле подчиняется. Это было очень странно. На что, в самом деле, чеченцам могли понадобиться гробы? То есть, гробы, конечно же, требуются всем без исключения, но приобретают их, как правило, пустыми, а тут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.